

1.
Французская литература XVII в.
Век классицизма.
Введение.

12. 23. XVII столетие называлось заложным веком фран-
цузской литературы или веком классицизма. Как
глубоко было его влияние — доказывает тот факт, что слог,
до его не исчезли и до нашего времени.

Между тем как во всей литературе Европы
предания XVI столетия нашлись в борьбе со склонно-
стью и направлением XVII-ого (столетия) и между
тем как эта поэтическая борьба была только отраже-
нием общего умеренного и оптимистического настроения,
то во Франции при благоприятных обстоятельствах
совершился переход к творчеству с такого скоростного
и всеобщего, что удивлялся тому весь мир и
прежде всего сам французский народ. Когда во
конце XVI столетия контр-реформация во Франции
получила политическую власть и вытеснила с Париза,
своей Сорбонной и поэзию Племиди сдерживала и к
умеренному единодержавию — единовластию до сомы.
вающихся и неслившиеся казалось, что Франция
под господством Тузова могла политически и ум-
ственно сразу областью — провинциала Исталии. Убий-
ство последнего Валуа (Генриха III) французскими
монахами, преследованием Тузовых с (прозе-
сманскими) королями Генрихами IV Наваррскими
приблизило это опасение на политическое именованье

le siècle de Louis
Grand.

очень близко. Религиозная война, продолжавшаяся непрерывно до знаменитой обточки Генриха IV, сурово опустошила Францию. Плодороднейшие провинции были обращены в пустыни; как видно из указа Генриха IV (16 марта 1595 г.), множество ферм и угодий деревень были совершенно покинуты. Эти земли или были в городах, увеличивая в них число нищих, а в иных сжаты и расплосканы ^{болотами;} в итоге небольшого гонения на, причину религиозных войн было 700 тысяч крестьянских участков, а после них осталось 4. До войны из Франции вывозили массу хлеба за границу; теперь она не могла прокормить своего, на половину уменьшившаяся населения. Болотинство предместьев, пустынь для овец, стали привозить из чужих земель; государственная доля с 43 миллионов ливров возросла до 300.

Генрих IV, как известно, сделал все, что мог, и даже больше, чем мог, для того, чтобы уменьшить Францию и облегчить положение простого народа; он заботился не только об его материальном благосостоянии, но и о лучшем для него руководстве; видя, что трудно получить это от орудившего в войну дворянства, он обратился к духовенству и среднему сословию.

Франція була кровавимим позорищем, гди божественна, над справедливістю мстила намь уонаснимь образомь за наши ошибки. Видя раздори въ семействахъ, возмущенія въ провинціяхъ, разбій на поляхъ..., разбразъ въ духовенствѣ, зиранствво въ дворянствѣ, падкунь въ судахъ, Божь послалъ на насъ мольби сво, его гнева." Возь како говоримь о сословіи Франціи до Генриха проповѣдника французь, и въ его раздориакъ много правды.

Генрихъ IV увеличилъ доходи вѣвое, а подати уменьшилъ, цталелъ рядомь законотвъ обезопасилъ гдѣрельность земледѣльцевъ, довель имъ до муншасо союзоднїа, кѣмь они были даме въ XVIII в. и про, славь Гаруно-алл. Рамидомь Франціи. Такимь обра, зомь, отъ своего гдѣрельностю возвисилъ монархи, гескій принципъ и болтае, кѣмь весь деспотизм, епосад, озбовалъ подавленію самоуправленїа. Чуме во 1614г. при закрїпїи государственныхъ чинотвъ орагоръ зреть, дго сословїа объявилъ, что королл свѣзаны только закономь собузвеннаго произвола. Дворянствво, не поддерживающее народоты, долсно было оуказател оу борбѣ съ монархіей и поїди къ ней на придвор, нуо слугубу. Съ дрдогь стороны, духовенствво зердло все болтае и болтае свой авторитетъ: люди, оузы и днѣубе позорнїа погиди въ религіознїахъ войнѣхъ, вхожо

готовые были ограничить авторизацию церкви, подавляющей лишь строго зла. Умные члены духовенства сами понимали, что в прошедшем столетии лишь сословие забрало слишком много власти, и идути на-встречу рационалистическим суждениям общества; лучшие из них со энергией проповедают зернистое в далахь втери и преклоняются перед неограниченной монархией, хотя бы она и подавляла самостоятельность церкви.

Религиозная война и следовавший за ними работы по исправлению материального благосостояния народа, естественно, отодвинули на задний план интересы духовные воодуше и литературные в гасу, тоски. Во Генрихе IV и во Франкь отмененъ царствя отпалъ, что мось, для благосостояния Франції: учебная сочинения были избавлены отъ цензуры; в 1595 г., когда еще не были приведены в порядок важнейшие органы государственного правления, стили сообразъ разбланившихся профессоровъ Collège de France, поподнали иль опредѣленное зналованье и отвели квархирю; по приказанию Генриха коро, левскуро дидлозеку (малышного Библиотеке Каті, онак) перевели изъ Франкенбло в Паризи и открьли для публики. В 1600 г. тачала своего дядзель, мось котинисей по народному образованию, которая

принимала преобразовать все средние школы и, изгнав их из
 изъ видной духовенства, подчинить их светскому
 началству. Было определено таким дипломом,
 которые университеты могли выдавать студентам, но,
 сившимъ рясю. Въ университетѣ студентова. Монахова
 университетомъ и тело профессоромъ изъ духовенства,
 а ея зреть власть изгнана и самый характеръ
 науки. ✕

Хотя на монетахъ неслимъ казалосъ, что
 францiй политически и умственно монетахъ сражъ про-
 винцией Испани, го все-таки победы Генриха IV надъ
 его умбра католическими прозвниками, его изъ него
 политическихъ побывовъ послѣдовавшихъ - вѣдѣвѣ
 того изъ вѣдѣвѣ - переходъ къ старой католической
 церкви упрочили его право на престолъ. Во время
 его царствованiя начинается для францiи эпоха внутр.,
 ренданго спокойствiя, блестящаго подъема, возроста-
 ющаго значенiя науки.

Не смотря на то, что порядокъ въ обществѣ еще
 не устоявшiя, успѣхъ Генриха и въ самомъ началѣ
 XVII ст. принесли пользу наукѣ: вѣдѣвѣ впередъ
 математика и естественнаго и „Новымъ органомъ“
 Бэкона, вышедшiй въ 1620 г., основанъ въ значитель-
 ной мѣрѣ на фундамѣ французскихъ ученыхъ. Не
 смотря на такою рѣшительную побужденiя

сдаришь безпорядковъ, во время царствования Генриха IV наказанное продолжалось походяжно и счастливо и распространялось на все XVII столетіе; великій правитель государева, Ришелье, окончилъ во время царствования сына Генриха, Людовика XIII, возведеніе ~~князя~~ уездной убо общаго-соединённаго государева и общій правитель-губернаторъ власти, его Хизрий пре-
линикъ, Мазаринь, вопреки всякимъ изъясненіямъ неспособивать придворниковъ и дворянскихъ партій продолжалъ уездной убо гордаго-великодушнаго сурод ново-французскаго государева и во время Людовика XIV, „великаго короля“ послѣдовало усо-
вершенствованіе сурод правленій. Франція стала государева, въ козроль королевства, окружено радостнаго покорностию народа, представлялось вер-
хотъ вѣдь націоналистическихъ силъ.

Между тѣмъ какъ французская литература XVII столетія совершенно привыкала къ духу всеобщей и общественной, между тѣмъ какъ она стала при-
дворного и общегубернаторскаго литературы въ болѣе тѣсноты смысле слова, между тѣмъ какъ она полу-
чала свои минувши исключительна отъ поворазви-
вающейся придворной ^{государственной} и общественной жизни и суремилась влиять только на эту жизнь, то она не
была и не существовала ни кѣмъ образомъ тамъ.

ция является переводной страницей Европы, хотя эрозия гуманизма, его основные идеи и ее главнейший раз. возвышения она вырабатывала не сама, а заимствовала из других стран, преимущественно из Италии.

Известно из политической истории, в какую тесную связь вошла Франция с Италией во конце XV в.; походы Карла VIII, Людовика XII, семилетняя война Франциска не могли не повлиять на водворение во Франции сильного итальянского влияния. Чуть более, не огульно во универсальном и эстетическом отношении французское искусство от флорентинского, тем же с большей энергией даровитый его предшавитель сразу усвоил себе все, что видели заль Соронного. В другой стороне: уснувший временно первенство во деле церковной реформы итальянцы и швейцарцы, заль, французы заль с большей ревностью куль, живиратор эту реформу вносилась и скорее всего переходя от слова к делу.

Но прежде заль выработал свое, французы долги, не были усвоил чужое. Как уже сказано, идеи и формы гуманизма в науки и поэзии заль же, как и возрождение искусства, проникли во Францию из Италии. Итальянские гуманисты, не находившие при дворе владетель итальян, смил, ободно отправлялись в Париж, где они всегда

могли найти собі досадного комісара учениковъ и поклонниковъ.

Указу преаде всего на одного изъ первыхъ, по зову, проиньмавилого на Паризь своє оженство, это былъ Анджелини (Publio Fausto Angelini, мавший съ 1450—1578 22.); уже рано попалъ оны въ Римъ, былъ ученикомъ Коммонид Лето; очевидно, оны видѣвшися съ ряда своихъ товарищей своихъ сужоубортовныхъ гд., лангоми и удаюмелъ поэтическаго вѣнка. Тамъ же въ Римъ оны и сами началъ преподавать; орду не, ретхалъ въ лангую, едѣ оубавалъ не долго, и уже въ 1488 г. поселился навсегда въ Паризь, гдѣ получилъ кафедру риторики и поэзи. Вскорѣ оны усвоилъ себѣ французскія политическя синарзи и, повидн. мону, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти восхвалялъ въ своихъ эпикоописарельныхъ поэмахъ подяго Карла VIII и Людовика XII надъ своими прежними союзесубвенниками.

Въ зрѣлѣ поэмалъ творъ поэзи, по заго ееръ бодна поэтическѣ украшеній, въ видѣ бодноточно скиховыхъ рачей, аллегорическихъ фигуръ, мидоло. гипсескѣ образы и пр. Въ модобныхъ же нингическихъ упражненіяхъ восхвалялъ Анджелини королевѣ Франци и птозорныхъ вел. мону, своихъ милосубцевъ.

Анджелини, какъ и другіе итальянскіе ученики

XV столетия, увлекалась болшию наклоностью къ мѣ-
рѣ, хотя сама, повидимому, далеко не отличалась
правдивою жизнью. Въ университетѣ она объявляла
Виргилія, Овидія и псалмы Давидовы. Какъ профессоръ,
соръ, Андрелини едва-ли отличалась болшого даро-
визостью и ученостью, но какъ преподаватель новыя
поэзіи, представляла новало міросозерцанія, начитан-
нѣ въ классикахъ, она имѣла довольно многочислен-
ную и благодарную слушателей, которые разносили
его славу по Мхалии и по Германіи. Она была въ
дружескихъ отношеніяхъ съ Франкомъ Родердамскимъ,
который впрочемъ воелюбивъ, когда Андрелини
не было уже въ живыхъ, отзывался о немъ далеко
неуважительно. Но непохваломому обаяло изъ
дѣлать гуманисовъ, Андрелини предлея въ коле-
ннику, крайне разнуто и неумилительно, съ своими
дочерицами по искусству, венеціанецемъ Калбѣ,
самъ, который такъже покинулъ родину, чтобы искать
славы и денегъ въ сурнахъ, иente культурныхъ, но болше
щедрыхъ.

Въ 1513 г. подъ инициалами Андрелини (F. A. F.
rocta regim) вышла очень любопытная книжечка: „De
obitu Julii, P. M.“ (О смерти Юлія, великаго первосвя-
щенника), въ которой разсказывается, какъ зрѣлъ воинъ,
сверженный напѣ явился посломъ смерти съ ключемъ своихъ

къ райскимъ дверямъ, но не мочь озворитъ имъ; какъ отецъ долго препирался съ апостолами Петромъ, не покидая его воззрѣній на церковь и обязанности церковно-служителей и удивляя его, въ свою очередь, своими божьими подвижми воззрѣтими; какъ апостолъ Петръ не учинилъ его въ рай, предавая въ яму погрома на собранномъ встали неправдами деньми новое царство Небесное и какъ Юлій погрозилъ апостолу вздръ рай присудити съ бо злымаки солдаты, которые скоро сюда придутъ.

Книжка написана слишкомъ ловко для того, что бы можно было приписать ее съ увѣренностью многословную фразеру Андрелини, но съ основаніемъ предполагать, что она соизвѣлена по распоряженію французскаго правительства, которое едва ли воспользовалось бы инициалами Андрелини, если бы отецъ не принималъ никакого участія въ соизвѣленіи памфлета. Андрелини членъ, повидимому, въ бодноемъ; оставленная имъ кафедра не прекратила своего существованія, а напрохивъ при Францискѣ I разрослась въ цѣлая три кафедры, щедро оплачиваемая правительствомъ далеко небогатаго Франциска I.

Уже поелъ первой сопернической войны дворянъ Франциска I были украшены вѣтами прелестью и красотою, якоже искусство. Досудного процесса живописца Бенвенуто Челлини, тогда видать, какіе глубоки корни въ ономъ коррозій срокъ, учило во Франціи гонимое

Возрождение.

Въ оxfordской или коллегии учился знаменитый въ свое время Макс Амюэ (Amiot, род. въ 1513 г.), давший Франціи отличный даръ того времени перевода Плузарха.

Такихъ фактовъ можно было бы надрать сотни въ доказательство того, что Франція снискала вознагражденія позеранное. Возьмемъ какъ образецъ въ серединѣ XVI ст. внуки и правнуки бароновъ, которые, по безграмотности, буквально прикладывали руки къ юридическимъ актамъ. Жермъ де-Месмъ (Jesmé de Mesmes), какъ разсказывае, еще въ своей автобіографіи, воспользуясь сначала въ одной изъ французскихъ коллегій, откуда вынесъ основательное знаніе ообщихъ древнихъ языковъ и Гомера зналъ наизусть еще въ коллегии.

Въ толь же XVI ст. французы — ученые и государи, ехали гуманности, честою продвигая себя крупными научными зруданіи въ новой области знанія и въ свободной, не подчиненной церковному авторитету науки. Франціи принадлежатъ Юліи Скалигеръ (1484—1558), прозванный богомъ комментаторовъ, Будучеръ, Медевръ, возстановитель закона Аристотеля, и Петръ Рамузь (1515—1572), одинъ изъ величайшихъ мучениковъ науки. Мало того, представители французскаго гуманизма скоро расширили кругъ своихъ заботъ и ея свойственной французскому характеру живою и практическою сферию

принимать идеи, выработанные освобожденными раз-
 чинами, во французской государственности. Француз
 принадлежал знаменитой школе Локка, анархи-
 ровавший за недооценку группового своего влияния,
 большого редника; зоологический (Belon), ретивый,
 ся на несомненно дерзость — соображение скелета чело-
 века и птицы. Француз принадлежал к числу из даро-
 выдуманных и одних из первых по времени политиче-
 ских мыслителей, Этьенн де ля Боссю (Etienne de la Boetie,
 1530—1563). Идеи, вынесенные им из чтений древ-
 ний педантиков и ораторов, задушевны с современным
 к современному политиче. Основная мысль его знамен-
 ная фраза: «О добровольном рабстве», написан-
 ная им в зрелом возрасте, когда другие сидят еще
 на школьной скамейке, та, что люди страдают от
 тирании владыки своей глупости; зоркие лишь и
 соединятся, и тираны падут даже без всякой борьбы.
 «Если есть что-нибудь несомненное в природе, гово-
 рить отъ, так это то, что зварская сила придала
 людям одинаковую форму, тогда было ясно, что мы
 все зварники, или, лучше сказать, братья; тогда нас
 соблизит еще больше, как одинаковой сущности давая даръ
 слова. Поэтому во мире должно бы господствовать
 безусловное равенство; на самом деле даны во велики
 обидеть управляют десною. Многие ли они на

это право? Никакого. Видь эри деспоти и мильюры зоме
 двѣ руки, двѣ ноги, два глаза, и ничего шимидго въ
 сравненіи съ самыми меньшими изъ гражданскы. Они
 зомско постравлены выше насъ, въ зромъ вся ить выгода,
 но и эру выгоду дали вы ить сами на своего пошибель;
 вы сдѣлали изъ ить двѣхъ глазъ созири, тогда шитионире,
 изъ двѣхъ руки зосядчи, тогда буре васъ, снаджили ить
 силою, тогда поширае васъ же самихъ... Тромнадмий
 колосотъ, постравленнотъ вами, сраиуръ на соломоннотъ
 ногатъ; я не хогу, тогда вы его зомкамъ, но вы его
 зомско не поддериивайте, и отъчъ упадере въ прахъ."

Трактуръ зромъ, конечно, не надлежно подвергнубъ,
 шийея гоненію, зтомъ доздойнотъ вниманіи, что отъчъ на,
 писанотъ не по-лазыни, а по-французски. Французскій
 литературскій языкъ устотъ выработауръ даме ранше нѣ,
 меккаго, зему въ знализертскотъ зрененіи спосодубовала
 французская централизация и всеобъемлющій десъ,
 позизмъ Валуа. Много сдѣлали для выработки франк-
 цузской прозы Каловинъ, но тѣсру резиденіи закше
 принадлежавшіи Франціи. Труды двѣхъ величайшихъ
 реформаторовъ Каловина и Люзера на понозу націо-
 нальной прозы совнали не случайно: господствовавшая
 церковъ, не изидававшаяся въ популярноеи, могла
 довольсзубоватъ ладнотъ, но реформация зомана
 была сама срукауръ въ двери звозскихъ людей.

Пьерр Рамуцет, Будесет и Дубенъ де ля Бозен, несмотря на все различіе своихъ стремлений, — возмизаномски одной классической школы и представляли одного рода французской литературы XVI в. Одновременно съ ними действовала другая школа, другое направление, еще болѣе вліятельное: высокое развитие, котораго достигли въ XIV — XV вв. французская лирика, дидактика и драма, должно было обусловливать и въ продолженіе и въ послѣдующее столѣтіе, когда вызвано было къ жизни столько силъ, когда все одиозное и суровое замаралось подъ вліяніемъ нововъ свѣтлыхъ идей, одушевленныхъ челоносецу, подвижнику, сакое радостное будущее. Национальная французская литература, чистые свѣд, занятая съ фарсали и фавліо, вышла съ латинской школы въ XVI в., и много массы даровитыхъ и вліятельныхъ представителей. Упомяну только на двухъ изъ нихъ: Кле, мапа Маро и Фавліе. — Первые поэты возрожденія.

Клемави-Маго де-Маро (Жан Марот, 1495—1544⁹) былъ на ипной службѣ Франциска I, сопровождалъ его въ походы и при Павіи былъ раненъ и съ нимъ выверъ захваченъ въ плѣно, но освобожденъ изъ ко, гораздо снова вернулся на службу къ Маргаритѣ Наварской. Въ придворномъ обществе отъ дилемалъ здоро. Былъ оуручникомъ и родникомъ, етальемъ Язаконн. Маро — главнымъ образомъ лирики, представлялъ

всеплант иносенки, вида поэзи, въ козороны французки не много себѣ равнѣтъ. Они многоже много обидѣло ея Беараноне¹⁾: у нѣтъ обидѣти одинаковое члѣпанге при, ширине дѣйствительности съ идеаломъ, облего эту дѣйствителности, не пасилуя ея, въ издѣлочно форму и одинаковое члѣпанге въ ширинѣ каламбурѣ вѣскажѣ сергез, нуто посылѣ. Въ нѣтъ ея у нѣтъ Маро предшесувишиши Лафрондена не зѣлско по дѣрку, но и по оформитѣ.

Если рѣчь идетъ о Математикѣ Маро, то нѣтъ, много надо коснуться и Маргариты Валуа (1492-1569). Оба они вводятъ насъ въ литературное движеніе XVI вѣка, исподобаволя на себѣ первѣя вліянія реформы, цѣи и возрожденія. Оба они еще робко подчиняюся вліянію новой силлы; свободная мысль, проникнувъ, маѣ изъ Германіи и Італіи, одеранивается у нѣтъ при, дворнѣи воспитаніемъ, нѣтъ положеніемъ, и недоверѣ, зѣлско богатыми придворными средсвами, но зѣлско не менѣе вліяніе новѣи идей, принесенныхъ движеніемъ XVI вѣка, дозѣлско сильно оградилось на нѣтъ произведенія. Еслибы даже Маргарита Валуа вовсе не была императрицею, и зѣлско все-таки слѣдовало бы упомянуть ея имя, какъ какъ дворецъ ея былъ цѣлзрѣи, вокругъ козорого собиранѣи все литературнѣи славы; дворецъ ея былъ приютомъ, куда укрывались свободные мысли зѣлско времени отъ преслѣдованія

1) Вѣландер 1780-1857.

погресенима каголизмуна. Она рано научилася погресекси,
 по-латини, по-еврейски, и јакое богарство въ знаниу здивови
 значуретко облекило еѣ поиманіе коносалнаго умозвек-
 наго двизненія, охвадившаго јога вео западнуу дврону. Не
 смѣя, по своему положенію, какъ сестра, Франциска I,
 озкиро висказатся въ пользу реформациу, Маргарита со
 свойственнаго еѣ сурасетго оудалася литературному двизненію,
 вызванному эпохоу возроденія. Если въ первое время
 своет царехованія Франциска I не јонько јарталиво еко,
 силъ, но и самъ не кузидася идеи реформациу, јо ко-
 нежно это кузиско приписатъ выушеніяма Маргариты,
 козорат, въ сознаванію, не јонго сохранила надъ ними
 перевашиваюуще вліаніе. Скоро Франциска предался,
 благодарѣ францискавоу политикѣ и своет слабости, самъ вѣ
 дикимъ пресѣдованіяма, удерживъ убѣжденіяма и
 угрозами јакитъ францискавоу людеи, какъ Беда. Въ это
 время пресѣдованій и гоненій Маргарита била англомѣ-
 кравицелствѣ цѣлаго литературнаго кружка, козорат
 тили и јошамъ јонько новими идеями; јонько еѣ били
 убѣжденіема јѣа веома, на кого јошамъ јонько јодоузи-
 нія въ привязанности къ реформациу. Какъ на високо
 јило еѣ положеніе, это јокровозетсѣво јошамъ, какъ
 јуверсидала Сорбонна, анцирелигиозныма идеяма не
 јило језопасно јошаме јѣа Маргариты, на козорату те јошаме
 јуказивали Франциску I, какъ на смѣя зла, которое јушаме

верверт прегиде вѣгать другить. Франциска не рошилася —
однако на брадидѣний и предагелскій похунокъ прозиви
дой, котора чубезовала къ нему любовь, не осканбили,
бачуцуюся ни передъ какими змервами. Маргарита не,
завала своего браха „солнцець“, оны били днѣ ней всего
дорогие на свѣту, она сама говорила, что Франциска
для ней „отець, сынъ, брахъ, другъ, муръ“. Маргарита рожко
нро убашенія къ своему браху не разорвала свой союзъ
съ католического церковно, она ошавалася равнодушного
къ религиознымъ спорамъ, безвантвиль реформацией,
тодѣ вполне сочувствовала идеямъ, возбудидамъ,
„возрожденіемъ“.

Почино благозворного влиднїя на литературу
среди XVI вѣка, Маргарита замикася въ чумехе,
потѣ движенїи Франциї по своимъ литературнымъ
произведенїямъ, нрѣ которовѣ кандохшего славого потѣ,
зчерѣ „Тенджеронѣ“ или „Медорїя счасливиль любов,
никовѣ“. „Тенджеронѣ“ не что иное, какъ собранїе раз,
сказовѣ, въ которовѣ любовная похосиденїя драматического
и комического, но больше всего чувственнаго характера
восраблдуотъ главное содержание. Произведение это навто.
вно „Декамеронѣ“ Боккачїо, итальянскаго писателя
XIV вѣка. Тѣмъ не менше, рассказы Маргариты не им.
мени досропсрвѣ по ошншенїю къ вѣтхнней франкѣ.
Личенная крупного таланта, не ошладѣя ни энергїей,

ни богатой фантазией, Маргарита Буаца, благодаря „Тен, замороню“, занимает все-таки почетное место в истории французской литературы. Надъ великии литературь, книжи дохотисували Маргарита владисувачи ея подобостъ къ литературь, неподдугимое и глукое соуветуе въ сво. Богному двискилю, вызваннату реформацието и возроденіи.

Враги Маргариты утверждали, что великии ея поусуи, какъи руководила связь съ одними изъ предсавителейъ этой эпохи, Клеманто Маро. Двигательско между залатонн Маргарита и Маро много сходного и сходство именно за. Ключаеся въ фомъ, что веть дохотисова поэзи Маро, больше вникнид, чомъ вытупеннй — черта, общаа съ Маргаритото.

Церковь и духовенство создавали главныи образы, цуть, въ котору божь чухали итажили свободные писатели этой эпохи. Оно и помытно. Церковь и духовенство играли тогда слишкомъ большуо роль въ жизни народа; въ политическомъ, нравственномъ и даже материальномъ отношеніи вийніе церкви было огромно. Церковь ехремиласъ удермарт въ своиъ рукахъ верховнуо поли, зинескуо власть; она хотмала нравственнуо развизио, двлмаласъ, по самому существу, неумогликого и неухогокого прозвнннцето свободныхъ идей, внесениныхъ „возроденіи, ени“; она же градила народъ, ехонмдд въ своиъ рукахъ колосалнй богартсва. Маро, ехараея колартс ея всевоз.

возможности средиземья, редко доходило до насредней са-
зиры, и, если не сгущает его сариритический поеланий, из-
восточных подъ именовъ Сора-л'Ане, то только въ своемъ
произведеніи, въ которомъ онъ описываетъ Шарле подъ
именемъ „l'Infer"; онъ возвышается до середняго саририти-
ческаго тона. Въ этомъ произведеніи онъ съ энергіею каз-
нитъ своимъ судей, возмущаетъ съ силою прозавъ возмущен-
ныхъ друзей своихъ враговъ, клеймитъ позоромъ козлу.

Его „Ади“ не были ему прощены, и то, которое возбудило
дали его смѣло или негодование, рѣшимся въ то бы то
ни стало отголосится оу поэта, вызывавшаго къ ^{нимъ} презрѣнію.
Маро перевелъ псалмы Давида, и переводъ зрѣлъ поелушима
обвиненіемъ прозавъ него, не смотря на то, что все дворян-
начиная оу короля и кончая послѣдними придворными,
пѣвали переведенные или псалмы. Это обвиненіе
было въ ереси, и для того, чтобы не было сознательныхъ
на козлу, какъ одного изъ самыхъ близкихъ его друзей,
Дубетъ Дале (Віктиме Дале, рад. 1509, казненъ 1546), долженъ
былъ бѣжать. Положеніе свободномыслящихъ франц.,
изъ которыхъ псалмы сражались замечательны. Козлы рас-
кидывались все на большее проеуранство. Король, скартъя
и зѣрая силы, сражались надобными и подчинялся
патрону вліянію францискановъ казалицизма. Пришоръ
Дале, сознательнаго на козлу не сражало за свои прозв.,
беденія, сколько за то, что въ качествѣ книгопродавца

распространялись по Франции, наудиний" книги, выходяв, тид ту-поди первить евангове, биль весьма внушительна и довольно громко говорили, какад часеа отидаеа во франции людей, во козоривеа открыли идеи "возрожденія".

можно было опасатся, что благодаря несласной это, кто религиозивеа гонений, сакура, зроре самый низменкой перве французской литературы, совсема замалхнеа и вытаете еа наро' оуправителд унитареа во изгнаніи, но наро' являеаеа холко посладимилеа изд предшесзвенни, ковеа великого еаурика, козорий придала французской еауриаеа такаа блеск и силу, какаа она не имела ни. тогда. Это -

Франсуа Рабле (François Rabelais, 1483-1553). Оиа родилеа во биль года еа Мюзеронне во Шуренге близу Шитона. Озеа еа, каснеаеа, коркмар, неизвезно погалу еа конилеа моту запрядатъ своего сына во монасхере. Уне во ранней молодоеаи Рабле перелитилеа 3 мона. сзирд. Во зо времд монахи раздталилеа на 3 группы: 1-я - ученые богослови, безуеловикеа поклонилеаи авзори, феа церкви и зрорные враги свохской науки; 2-я - монахи наивные исполнявилеа болке или менше едрого чезавъ и при зтомъ одгольвивилеа свои личнид думилеаи и 3-я - монахи революционереа, оставилеа во зтомале монасхереа позоку, что залле можно было закинарсеа, не вытмилеаеаеа во дала шурейсеа и бранилеаеа,

сколко тогъ положить на душу. Радле принадлежалъ къ
 грозной категоріи и работалъ чрезвычайно усердно. Тамъ,
 думаютъ, безъ помощи учителя — впрочемъ, некогда
 время отъ случалъ лекціи въ университетъ въ Анжю —
 выучился отъ оулично по-лазгану, хорошо по-френски
 и немного по-еврейски; кромѣ того, отъ свободно читалъ
 по-испански и по-итальянски.

Въ 1512. отъ были избранъ званіемъ іеромонаха
 францисканскаго ордена. Но францисканца, келья
 котораго завалена книгами и котораго пухарь по-еврей-
 ски, были явленіемъ некорректности; отъ подвергся
 преслѣдованію (даже были присуждены къ познуденно-
 му заточенію на землю и на воду) и принудительн
 были отъмаръ; отъ прибылъ къ покровительству своего го-
 варца по монастырской школѣ, генеръ епископа, ко-
 торый выхлопоталъ ему дозволеніе перейти въ орденъ
 бенедиктинцевъ, сморзавшимъ на замѣтнѣ научанн
 не съ захватъ унасонъ, какъ францисканца. Но Радле
 не спышилъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ, какъ
 какъ на болтъ ему шилое луше. Отъ еще прееде
 сблизился съ двумя архиепкокраями, братьями Дю-
 Беллей (Du-Bellay), очень образованными людьми, и
 генеръ при нихъ посредство поупилъ прихоть; Радле
 рѣдко слушилъ отъодно, но часо помогалъ своимъ при-
 команамъ медицинскими советами: какъ и многие

из гуманистов, отъ былъ знаменитымъ естественнымъ наукамъ.

Въ 1531 г., следовательно, 47 лѣтъ отъ роду, Вадле явился въ Мюнхенъ и записался въ студенты не для того, чтобы слушать лекции, въ которыхъ онъ вовсе не нуждался, а чтобы получить дипломъ, и черезъ него же быть возведенъ въ степень бакалавра и по обычаю зримому, сдать публичныя лекции (степень доктора медицины отъ получили въ томъ же Мюнхенѣ значительно позднее). Въ это время, несмотря на свой почтенный возрастъ, онъ жилъ полной студенческой жизнью, посещалъ все курсы, игралъ на студенческихъ театрахъ и проч. Изъ Мюнхена Вадле переехалъ въ Вюрцбургъ, гдѣ была лучшая типографія ушаго университета гуманиста и поэта Эрбена Доль и прославилъ лучшие гуманисты; тамъ въ 1532 (или 1535) г. онъ издалъ цѣлый рядъ ученыхъ трактатовъ по медицинѣ, естественнымъ наукамъ, классической филологіи. Въ томъ же году и тамъ же онъ задумалъ издавать книжку советовъ много содержания, не для специалистовъ, а для массы публики; поэтому бытъ, онъ шлеть въ видъ поправки его свою студенческую кассу, раздѣленную изданіемъ ученыхъ трактатовъ. Это были его знаменитый комическій романъ Тарганзюа или зомыте Подвиги и роки великана Тарганзюа и его сына Панзагрюа, величайшій мастерской трудъ всего луга, раздѣръ, съ изобиліемъ гениальнаго вымысла и энергии и

ясности изображения (где автор не нарочно хочет быть и явится замечать), изображения генерла еще образцового именно в больше употреблении читать экранного урда.

Мы не будем разбирать довольно интересные, но затуманившие вопросы о происхождении имени героя, о степени народности общего плана и об отношении романа Рабле к „Тарантиновской хронике“, Безымянной пародии, предшествовавшей далеко не только, как и по координатам Дюма-Кювье, Ламантского и появившейся за два года до романа Рабле. Мы ограничимся только тем, что скажем на факты, что сам Рабле не придавал значения факту романа, писал вразброд, не обращая внимания на последовательность, естественность, не обращая внимания, не забывал ни о главном рассказе, увлекался эпизодами; весьма возможно, что вторая книга его романа пошла преемственно первой; весьма возможно и то, что сам Рабле был автором довольно невинной сказки-пародии, а потому, как Сервантес, увлеченной широкими и сильными идеями, продолжал писать не для нас и не для нас, а для развлекать единичные, меншиков, с целью излить свою душу, высказать наболтавший мысли по поводу совершаемого, вокруг него. Для нас во всяком случае важнее эти мысли, чем грубая комизм его факты; сам Рабле в это.

зворотно предисловии такъ говорить о значении своихъ произведений: „Другъ гизадезь!... Видишь скорба, козораз жедеь стнабаеь, я ргошмилея повеселимъ жедеь: лучше вызываеь своиши писаниими стнабаь, етъмь слезы; стнабаь жакъ свой, сьвети человеку.“ Но въ другомъ прозаическомъ предисловии онъ жакъ обявляеь серьезную сторону своей книги: „Алкивиада въ Симпозионе Платона называеь Сограза Вилеенова... Нарушноеь его била крайне непредсхабидельна: бнкатси глаза, неправилнаиъ заоьремонвиъ носъ, голъ, сьраь губеьвеннаь губы, плоть во всеь голову, стнашная бодно-однозаь фигура человека, не моуцаго имоьтъ успоьткъ у шенциноа и неспособнаго ни къ какой государьственной должности. А между жомъ подъ эзоь некрасивоь наруши, носьто хранилсея великолонтнаиъ кладъ, величайшиъ умъ во починатии шизии, полное искреннее презрье.. не ко всему жому, за жомъ гонялоь обьикновенное шодниши. Платонъ Вилеенова должиа бьтс и подъ книга: въ ней подъ грубоь и стнашноь формоь скрива исшима. Эза форма не должиа осушавлибаь мышляцаго ги, жакель; тобн добьтсея сьзи, онъ должиетс, правда, по.. рабозаре, но цьтмь сьошь жьуда?.. Видали ли вы, сира, шиваеь Радле, собаку, козораз сьараеь разьрыбьтс коеь? Собака, по опредьелению Платона, есь самое филоосовское шивозное; шноуризе, какоь она жьцадельно хранишь коеь, выбираеь удобные моьмензеь, тобн прижаьтсея за нее,

устанавливается ее во переднюю лану и начинается
работает зубами. Для чего она работает? Чтобы добыть
немного мозгу, находящегося в козле, а мозгу, по сви-
детельству Талена, есть самая совершенная пища.
Также можно позраться и над книжкой Рабле, добывая
изу совершенную пищу для ума.

Современному кризису, рабизирующему романов Рабле
во щелочью, действительно придется поломать надъ шиль
зубы, какъ надъ несокрушимого козла: кризисъ всегда
пишетъ общаго въ пасмурьяхъ, суренихъ возеодаре микро.
созерцание тисарей; каково ему придается надъ зъльи
произведенияхъ, гдѣ этого общаго козла, и гдѣ авторы
проявляются не одно, а несколько различныхъ микро-
зерцаний? Рабле писалъ свой романъ 20 летъ: въ это
время измѣнялись обезьянсерва, а съ ними и его возъ,

зренихъ. ^{Таргануа -} Герои первой книги живутъ въ Паризѣ. Въ то время Вла-
дѣнія его отца подвергались опасности.

2. Герои второй книги — Панцартрозъ, сынъ Таргануа;
почти все главныя событiя его жизни — побуждение при-
ключений Таргануа съ новыми саририсскими выходками
продви въ слонахуки и съ зъльи различияхъ, что Панцартро-
зъ съ доуха членъ, какъ слѣдуетъ, и не угадывъ времени
на здрение глумить чредниковъ. Здѣсь въ первый разъ вы-
суждается новое лицо, которое израетъ главную роль въ урадь
последующихъ; это Панцартро, человекъ изъ народа, не-
смотря на свое имя (Пан-всѣ, Эруон — дѣло) не большой

охотники, работорговцы, полководцы, поварь и пошук на чуждой
ежему ему гораздо приятнее. Кокотозное коммандароры
когда видны в нем опущенное всего просоного на,
рода.

Между изданиями второй и третьей книги прошло больше
десяти лет; в эти десять лет многое издано, во,
крупн Рабле; сильно издано и сам Рабле. Французский I
в последние годы часто сновилась открыто на сторону
врагов науки; многие мечты гуманизма, разлетались
прежние; лучшие люди принуждены были бросить
из Франции; иные гуманисты попали в тюрьму, иные
на каторгу императорский; но не они занимали главные
образы общественное мнение: на первом месте —
религиозные вопросы. Сам Рабле покарался, озлобился,
всподвизглого и зомь его последние книги иной: в
них больше шаяли, но больше и грехи; врагов сво-
их идеалов он не оставил, а кадилась с розгой
злой.

Третья книга посвящена Маргарите Наваррской,
единственной высокопоставленной особе, при дворе
которой и в это время еще дощекалась свобода совести.
Вот вкратце канва последних книг: Панургрозль
наградила Панурга землями и деньгами; Панург про-
курил все, влез в долги, а когда Панургрозль увер-
карь его за это, он доказывает, что, дала долги, он

служить счастью человечества. Что было бы, если бы Луна не занимала своего орбиты от солнца, земля — властвовала от облаков и т.д.? Напротив, идеальная жизнь должна быть такой, чтобы великий был должен великому; тогда будет медитативное благоустройство и мир. Пачуров колеблется, пишется ли ему или нет? За последние годы вопроса отъ отъправляясь вступить съ Пачуровъ и другими къ оракулу „Божественной Бурьки“. Пачуровъ, несомненно, возмущается поскольско кораблей, отъправляющихся на соборъ. Другіе эпизоды представляютъ ризиды, съ нашей точки зрѣнія грубыя, саркастическія выходы противъ крайнихъ прозесянцовъ и особенно противъ католиковъ. Оракулъ „Божественной Бурьки“ даетъ позитивальныя советы изучать природу и привлекать къ немезонизмной силе на пользу человека.

Уже первая эта книга романа Пачуре возбудила почти въ одинаковой степени гнѣвъ католиковъ и реформаторовъ; Камбичъ, съ котораго Пачуре прежде былъ близокъ, даже не преданъ его проклятію за релігіозный индифферентизмъ и неумилительныя шутки надъ свѣтскими предметами, и Пачуре съ зрѣлымъ поръ почтительно удаленъ отъ энергичныхъ прозесянцовъ, коихъ и благожелательные католики неохотно принимали въ свой лагерь.

Уже въ 30-ые годы ХІХ столѣтія Пачуре два раза централь

подбивать в Риме, покадья намъ писемъ въ своихъ
гражданахъ и получили позволение переименовать въ другое
духовенство; несмотря на свой почтенный возрастъ,
онъ и въ это время продолжалъ еще своего бродячую жизнь.
Когда въ 1547 г. умеръ Францискъ I, и ожидали гонения
на ветвь свободомыслящихъ, Радле бросалъ въ море;
но онъ скоро умеръ съ Террилотъ II: получилъ коро.
левую привилегию на изобретенную книгу своего романа,
а пошелъ и два прихода; съ одного онъ пользовался дохо.
дами, а въ другомъ, недалеко отъ Париза, исполнялъ
обязанности пастора и медика и былъ любимъ своими
приходчанами; онъ умеръ въ 1553 г. въ Паризе и былъ
похороненъ на кладбище церкви св. Павла, у большого
дерева, которое должно сгнеть послѣ кончины этого сурам.
ного человека, оставило востановить своими его скромную
могилу.

Одни комментаторы говорятъ, что онъ умеръ, какъ добрый
христианинъ; другіе, что и въ послѣдній минуту онъ
былъ заклинъ еще шурвалъ, какъ и вѣто жизнь свою. Въ
доказательство этого послѣднего мнѣнія приводять слова
его, сказанныя имъ передъ смертию: « Я вижу Господа,
вотъ заставляло на себя въ Терисалинъ », сказали онъ
свидѣтели, который пришелъ съ даромъ пригласить
его; « Je vais chercher un grand peut-être... tirez le rideau!
la farce est jouée » (я отъправляюсь отъскивать великое

можець быць... спускайце заглавае! фарса скончыцца!"
 и слова яго заважаныя: "У мяня многа нічога, а многа
 долметы и огуальнае оудало бядовольна." Другіе разказы,
 вазоць, што отыя перады смертнаю одысся вь домыко, слыбдучь
 словаць писанія: "Велкі, дні in Даміно тоцімывс." —

Взяи алексадра о яго прадсмертныя оскрозаль прымад.
 леднаць кь числу броддальна разказовь, хридоучывальнаць
 кь раздывальна мизань. Все эго можець быць адна выдумка,
 но зрудно доказать и прозавнае.

Многа залковь возбудилы поемь своей смерти згоць
муць-лопаль и околороль-писакель. Одни вознесили
 его до небесь, другіе умишали бодь пощади. Ротаны
 его выхадилы вьдурьчя нывсколькыма удатильми; множество
 комментадоровь начали обявствать его произведений, на,
 кадь вь ниль какурь-го мезумеко-пророческую цытаць.
 Большая часть собременниковь Радле обвивала его вь
 аргументь, велюдхвие насильства надь священныма пред,
 мезами, щедро радсоманывиль вь его произведенияць;
 но нль згоць рашивалено нельзь вывезти подобнаго за,
 кльосенія, козому что стьонць заглямурь вь модое ду,
 ловное сочиненіе проповядниковь и епископовь згоць
 времени, тобди звидноть згоць она самаць вырасненія и
 оскрозь вь предмезаль самаго возвышеннаго содержания.
 Подобнаць грубый насильски били зогда вь модць, и со,
 савлядлм родь ризорическыма цвѣтовь и украшеній

въ каждаго сочиненіи. Другіе комментаторы, прославляя
его чужезеръ, утверждали, что, кромѣ вѣдьмъ существовавшихъ
въ то время науки, онъ зналъ превосходно языки италя,
лукскій, испанскій, польскій, еврейскій, арабскій, латинскій
и греческій. Изъ сочиненій его видно ясно зольско ро, что
онъ зналъ хорошо два послѣдніе языка. — По парижскому
Радле были почти красавица.

Въ то время, когда Радле писалъ свои романы, франц.,
италійскій языки не имѣли почти никакихъ грамматическихъ
правилъ. Освободившись отъ вліяній латинскаго языка и
словоупотребленій формъ фразы, онъ не принималъ никакого
позволяющаго направленія, и всякій писатель зычелъ
его, какъ ему вздумалось, и укладывалъ въ такую форму,
какая ему больше нравилась. Свободная, дикая орфогра,
фрід много способствовала тому, чтобы запустѣвалъ смыслъ
и безъ того земный фразы, соединялись безъ всякихъ
правилъ конструкции. По зтому нечего удивляться, что
Радле на каждаго шагу, не имѣя средствъ передать мысль
свою, самъ соединялъ для нея слова, значеніе которыхъ
потеряно для нашего времени, хотя надъ отдѣленіемъ
ихъ трудилось много комментаторовъ.

Судьба Радле, какъ писателя, завидна, слава его фромка
и знаменита, имя его знаютъ даже тѣ, которыхъ не читали
его произведеній. Радле издавали сохрани рафъ, комментаторы,
и самыя замечательнѣе писатели почти вѣдьмъ вѣковъ.

и народов. Из его произведений сложились с языка Менасия, Антуанъ Мерца издавъ огромный пансириксъ подъ на-
 званіемъ Elogia Rabelina; докторъ Конусъ (Corus) и поэтъ
Пассера (Passerat) посвятили стихи свои на изреченіе и
 коммензаріи Радле. Многие писали о немъ огромныя
 филологическія диссертаціи, и многосекудо дружки писали
 на него цѣлыя томы коммензарій. Враги еще болѣе
 содѣйствовали къ расширенію его славы. Радле до
 зого занималъ современниковъ, что они писали диссер-
 таціи даже на имя его. Производители его производили
 имя Rabelais отъ двухъ латинскихъ словъ: rabia и laesus
 — одержимый божественно. Защитники напротивъ
 доказывали, что оно сохранило изъ словъ rabbi laesus —
 оскорбленный другъ. Нашелся даже ученый, кождо,
 рый производилъ его отъ двухъ арабскихъ словъ, rav и les,
 означавшихъ насмѣшливый другъ. Образовантѣй-
 шіе люди зого времени бредили панзагролизмомъ,
 и долгое время существовало въ Парисѣ баснословное, раз-
 гульное общество, основанное Радле на чужавахъ Мте-
 лемскаго монастыря, возносившее сурогитъ блосуде,
 шей нравственности своими оргіями во вкусы древней
 Фллады. Монастыри резко разграничиваютъ поля, —
 въ „Меленѣ“ (отъ грек. ділю, желато), мушкетеры и жон-
 цинты — всегда вѣнчаютъ; монахи дають з облога: бодности,
 послушанія и цѣлоушій, — монахи и монахини Мелены

наслаждаются богатством, полной свободой, и илье реко,
 мандуедея веунаре въ бракъ; при монастырях обширная
 библиотека; въ ваваге и ободаге не по колоколу, а когда
 кохо логеух; дворъ и садъ монастыря — украшены фонтан,
 нами, статуями граций, боговъ, богинь и проч. Возк мона,
 еврег Телема, въ козоручо прииммаге дотько людей коло,
 донь и красивить.

Греческ и разочарованіе, козорачь овладели душой Радле,
 были общими явленіемъ среди гуманистовъ: только на
 первое время губеуговали они себя одушевляемыми
 до объясненія, мечтали пересоздаге всег міръ, рхтатъ
 безповоротно простищенными разучкомъ всевозмож,
 ные вопроса. Но оуакнувшись съ грудой дтальвизуеде,
 поестю, съ ехрасудами, возбужденными религіей, они во-
 огио убѣдились, что сила кроточе разумна. Многие изъ нихъ
 кинулись въ борбоду религіознуго и заклинь образотъ
 перседали бжег гуманистами; иные, подобно Радле, едали
 ндтъварся надъ существующими порядкомъ вещей; ботъ,
 тинсво же ушли оуъ жизни въ книги и раздѣлились
 по специальностямъ. Для насъ особенно интересны те,
 козорые перенесли своего реформаторскуго дядзельмюге
 въ область національной литературы.

Изъ самой середины XVI в. вышла небольшая фран-
 цузская книжка, послужившая манифестомъ новой
 литературной школы и положившая начало новому,

или, как его теперь обыкновенно называют, логическому классицизму. Эта книжка Жоахима Дю-Беллея (du Bellay): "Défense et illustration de la langue française" (Защита и поощрение французского языка).

Прозыва кого же Дюбеллея (1561) защищают франц. язык? Враги французского языка, по его словам, разделяются на две категории, одинаково злобредивы: во-1-ю, это те, кто презирает родной язык и изливая, есть свое поэтическое воодушевление по-латыни и огласки по-гречески. Во второй категории врагов языка принадлежат писатели, которые вовсе не знают языка классицизма, а подражают Маро и средневековым утруверам.

Как же можно действовать, тогда поднимать язык и национальную литературу? Нужно, во-первых, обогащать и обрабатывать язык, воспользовавшись всем, что дали в этом отношении поучительного Авинья и Рима, и во-вторых, нужно усвоить главный тип формы классической поэзии, приспособив ее к новому содержанию. Наглядными примерами возможности такого усвоения служат римляне, оставившие с своей стороны прекрасные образцы. Само собой разумеется, что всякий, на деле, ревизионист писатель, да и вообще всякий образованный человек должен выработать с зрелищем формально усвоить неподражаемую красоту и мудрость античных поэтов, орадоров и историков. Тогда создается новый образцовый

народы — галло-греки, предъ козоромъ преклонился осязательная
 Европа. Эгоизм манифестъ Дю-Беллея много въ полномъ издании,
 свое оправдание, безъ чего оно было бы „глосолье вопиющаго въ
 пустыни“ французскаго интеллектуализма, какъ восприимчиваго
 въ классическую школу, такъ и познакомившаго ее
 классиками въ переводѣ, вкусаго младшаго, не могла
 горькаго, а грубого средневековой поэзіи была ей до крайности
 горька, злымъ болѣе, что эта поэзія озонила свое вредъ и об-
 разилась въ нечто неподобное по осужденію идей и члене,
 коеной искусственности. Съ другой стороны, эта она самая
 интеллектуализма не могла не быть въ претензіи на ученость,
 произрастивъ родной языкъ, ехоль мощи и распроезра,
 пенной. Только въ одномъ отношеніи манифестъ не вполнѣ
 озвучае послѣдовавшей за нимъ гонимости: Дю-
 Беллей, человекъ кабинетнаго зрѣна, чуждый изъ виду
 модно въ то время шалбажеску поэзіи и вообще шало-
 испанское вліяніе, ехоль сильное при дворѣ и въ одиссеяхъ,
 благо было ехоль анжунский преданія съ злымъ вліяніемъ
 и все это выразить на прилежательности къ тому фран-
 цузскому языку. Эту задачу исполнилъ Ронсаръ (Pierre
de Ronsard, 1525-1585) и его школа, г. наз. Плеяда („Pleiade“).

Ронсаръ, поэтъ герцога Орлеанскаго и Жакова, Короля
 шотландскаго, ослѣпъ въ ранней молодости и началъ усердно
 заниматься изученіемъ древнихъ языковъ, задумавъ обог-
 нить французскій языкъ словами, оборотами и картами,

заимствованными у грековъ и римлянъ. Семь лѣтъ при,
 готовя^{сь} себя къ этой трудной задачѣ — и плодотъ ея
 явилась, «крупнѣйша» эпитетская поэма „Франсиада“
 въ 24 пѣсняхъ. Героемъ для нея онъ избралъ Франка,
 сына Тезора, козоровъ будро бы спасся изъ разрушенной
 Тирои, чтобы основать царство французское. Литератур-
 ную извѣстность приобрѣлъ онъ прежде всего переводомъ
 Аристофановой комедіи „Плутосъ“; затемъ онъ сталъ
 приводить въ исполненіе программу Дю Беллея и на-
 писалъ множество одъ, эклогъ, элегій, гимновъ и еще
 упоминающую „Франсиаду“; но онъ же, подражая италіан-
 цамъ, написалъ множество пасторалей, сонетовъ и проч.

Тюберъ въ чтеніи Ронсара не найдешь удовольствія
 самымъ горячимъ поклонникомъ французскаго классицизма.
 Не ро было во второй половинѣ XVI вѣ.: цѣлѣя 50 лѣтъ
 онъ слѣдуетъ величайшимъ поэтическимъ гениемъ
 Франціи. Торквато Тассо, при посещеніи Париза
 въ 1572., прежде всего освидѣтелся, гдѣ живетъ Рон-
 саръ „король поэтовъ“; удивленъ монрдемъ убѣжденъ, что
 французская поэзія, благодаря Ронсару, достигла высо-
 каго совершенства, и что лучше ея предсказать, и
 прежде всего Ронсаръ, не усугубляетъ древнимъ.

Забвеніе, которому подвергся гениальный Ронсаръ,
 не случайно: его произведенія почти, беззащитны,
 ны, прозаичны до конца; его „Франсиада“ — вервь рабскаго

безвкусица, содержащая безпорядочную массу мифологических и поэтических воспоминаний и суровых вымыслов, походит на античную героическую поэму, как герои Вар-
соломеевской поэмы походят на героев Тирона.¹⁾ Таковы
эти произведения и его друзей, заков наз. Пелледа в поэтова-
лириков. Но зато не менее выдающегося Ронсара и Пеле-
да мы имеем важное историко-литературное значение: они
показали, что по-французски можно сочинять эпосы,
трагедии, оды гомеровские, анакреонтические, нимфарики,
эпик и прог., и героическое, которое сопровождается по-
этикой первой французской трагедии, Клеопатры Моделя
(1552), было до известной степени национальным героичес-
ким.²⁾

Модель (Fodelle de Limodie, 1532-1573), выдающийся
поэт Пелледа, предпринял ^{основать} ~~устроить~~ правильную фран-
цузскую драму по греческим и латинским образцам
и написал прозу Клеопатры еще трагедии, Умираю-
щая Дидона и комедии, Евгений.

Все важное значение Ронсара и Пелледа для него,
для французского языка: они усовершенствовали его констру-
цию, благоухали метрику и обогатили лексикон мас-
сой вновь заимствованных из латинского слова, без зна-
чительного большинства коренных, следовательно невозможно
было обойтись при расширении круга поэзии.

Работу Ронсара и Пелледа ознакомили пришлое передовое

1) Клейсид, *Deff. de la France, de la France nationale*.

2) Авторы поднесли поэму козла и совершили жертвоприношение по греческому
обряду.

словно въ XVII вѣ., дакъ какъ продолжительная религиозная война, разорившая Францію, отодвинула ее назадъ и за, ставила на время забыть про литературу; но прежде нежели говорить о литературѣ XVII вѣ., мы должны се остановить на нѣкоторое время на знаменитѣйшемъ писателѣ, излагавшемъ свои взгляды на родной языкъ.

Проза въ XVI вѣкѣ строится выше поэзіи. Основаніемъ великаго философскаго слова французскій языкъ обязанъ моралисту Монтаню. Мишель Эйжакъ де-Монтань (Michel Eyquem de Montaigne, 1533-1592), сынъ аристократа, для укрѣпленія здоровья и приобретения любви къ народу, провелъ зиму въ деревнѣ, съ простыми народомъ, рано сроднившись съ его языкомъ и манерами. По возвращеніи въ родовой замокъ, онъ началъ писать, съ очень усердіемъ: 6-зи токъ онъ говорилъ по латини, 9-зи токъ свободно читалъ Софокла и Платона, а 14-зи токъ окончилъ полный курсъ юридическыхъ наукъ Бордоской коллегіи и вскоре сталъ членомъ палаты юрисконсулъ. Но онъ ненавидѣлъ судейскій формализмъ и обряды, не говоря уже о казняхъ и пыткахъ, которыхъ онъ называлъ неслепотою слезокосью. Видя все возмущенно съ стороны правленія Карла IX, Монтань отказался отъ вѣстныхъ должностей. По смерти отца онъ отправился для поправленія здоровья путешествовать по Германіи, Швейцаріи и Італіи. Въ Римѣ онъ получилъ извѣстіе, что

мужем Бордо избрали его своимъ геролдомъ. Философомъ
оказался, но Генрихъ III приказалъ ему принесть эгозваніе.
Конецъ жизни онъ провелъ въ своемъ замкѣ въ
Перигордѣ, оказавшись плохимъ провинціаломъ са-
мовнникомъ и оказавшись оубо приглашеніемъ Генриха IV,
двинулся ко двору.

Эгози мотъ оубо роду, Мондэнъ написалъ свои знаніе,
матрсе, Опыты (Les essais de methode Michel, seigneur de
Montaigne). Книга состоитъ изъ 107 отдѣловъ разнороднаго
содержанія. Наука Мондэнъ была естественная, естественная,
натуральная, естественная на преданное, но не на великіе
подвиги. Книга его, въ которой онъ описываетъ свой характеръ,
геръ до мельчайшихъ подробностей, была моднымъ те-
мемъ его брагемъ и названа „меланжескимъ естественнымъ
модемъ“. Въ ней преобладаетъ скептицизмъ, соединенный
съ держимостью естественной мнѣній. Эго держимое оубо про-
повѣдывалъ въ религии, какъ и въ политикѣ. Навѣдъ
въ вѣкъ удивленія и обмановъ, онъ доказывалъ не оубо,
человѣкомъ разсудительнымъ, а тонкимъ замысловитымъ
и прихотливымъ, избравшимъ будо науку, что все
человѣческое естественное такъ такъ, что трудно рѣшить,
который изъ нихъ основанъ на естественности; поэтому естественное
и естественное естественное естественное естественное естественное
естественное, легко можетъ быть оубо естественное. Мондэнъ не говоритъ:
я сомнѣваюсь или не знаю; его девизъ: que sais-je! (ноги я знаю!).

Это мораль ни христіанская, ни аэстетская, это философія
 ни Зенона, ни Платона, ни Аристотеля: это мораль и
 философія Моузы. Моуза скептикъ и ему все
 кажется сомнительнымъ и подлежащимъ критицѣ,
 кромѣ нравственнаго мірового порядка, который осно-
 ванъ на божественномъ озкровеніи, и авторитета, ко-
 торый его поддерживаетъ. Философія, по его мнѣнію,
 должна служить для освобожденія человека отъ сура-
 стей и для усвоенія равнодушія ко всему земному, но
 не должна поднимать руку на озкровеніе. Въ христі-
 анствѣ отъ видущаго только догадываю, а не нравственною
 и выводю правила жизни изъ члгоо челоовческихъ
 принциповъ; къ самой смерти отъ не приносиваю
 ни утѣшенія, ни бодзны наказанія, которыми религія
 сопровождается послѣдній минуты челоовка. Отъ него,
 кель, чтобы челоовкъ боялся смерти, какъ какъ она даною
 природы и похожа на сонъ или обморочку, только болѣе
 полной и продолжительной. За злннн отъ не отвѣ-
 щаю никакими наградами и наказаніями. Христіанство, къ
 которому отъ относюся съ уваженіемъ и осторожностью,
 понижено въ эпоху, когда отъ шиль, не играю ника-
 кой замѣтной роли въ жизни и смерти.

Моуза гуманисеръ дои две школы, то и Радле,
 но отъ понялъ непримонимосер на практикн гума-
 нисерискии идеаловъ и оузался въ предчлнать члнтерн.

ности. Главная его заслуга — суровое выведение философии из кабинета в публику; философия, приходящая от школы, по его мнению — парламентарство; наука, занимаясь, мажет мелочами, безполезна для массы — самоубийство и вздор. Во всем отношении востро уже до обездоленства, что Монзэн удалъ результаты своих наблюдений и размышлений на языке французского языка, замечательно логичномъ и логкомъ.

Монзэн сильно занялъ вопросовъ о воспитаніи и въ основныхъ пунктахъ сходился съ Радле: по его мнению, надо сдѣлать цѣль ребенка законъ, чтобы онъ чувствовалъ оу самого процесса учения удовольствие; надо суровиться къ долгу, чтобы вновь приобретаемая свѣдѣнія не пошлись въ его голову, какъ какая-то злая сила, а развивали его, давали ему новую мысль.

«Старцы» Монзэна наполнены прекрасными мыслями, не всегда ему принадлежавшими, зато замечательны, новыи и древнии — Сенеки и Цицерона, но всегда когда приключаются, хотя иногда выражены въ аллегорическомъ, что было необходимо въ его время. Въ его разсужденіяхъ виденъ глубокий мыслитель и тонкій наблюдатель.

Монзэн — одинъ изъ рѣдкихъ родныхъ умовъ, которае далеко заглядываютъ впередъ и сходятъ особнякомъ среди современниковъ и ближайшихъ потомковъ. Онъ самъ — дитя

возрождений и освобождений разумна; но это гораздо
 теснее связано с высоким просвещением, с эпохой
 Вольтера и Дидро, т.е. с неовдохновенными XVII столетия.
 1717.

(Заключение века возрождений.)

XVI-ое столетие называлось — как мы уже многократно
 говорили — эпохой возрождения. Действительно в эту эпоху
 явились во Франции — как мы видим — сильные таланты во всех
 родах. Возрождение наук, искусств, литературы началось
 во Италии. Французы стали подражать итальянцам во нра-
 вах, обычаях, стали перенимать у них самую лучшую
 часть. Результаты похода Карла VIII были велики: Французы
 вынесли из Италии столько цивилизации. Толмаческое
 падение Италии не было бесплодно для человечества; это
 падение привело во Италию гунды ее народы, которые
 она наделила всеми сокровищами своей цивилизации.
 Это столкновение двух миров, двух различных веков — Италия
XVI века и Франции, охватившей по крайней мере два столетия,
 было как нельзя более благотворно: из этого столкно-
 вения исходит распространение во Франции свещей,
 новый огонь „возрождения“. Открытие Италии — говорит Ломоно-
 сов — много для XVI века больше значило, чем открытие Аме-
 рики. За Карлом VIII отправляется во Италию Младший
 XII и его наследник, Франциск I. Как велики были
 бедствия, причиненные этими походами для Италии, так же

выгодны они были для Франции. Яркий стержень XVI века, освещавший Италию, распространялся по Франции модою к искусству, сражаясь к знанию, влечение к цивилизации. Французская воспитанная Италия, создала ей нравственное превосходство и сражалась призывая к себе ее поэтов, учеников, художников. Подосидевшие политически в Италию, итальянцы двинувшись победителями во Францию, при дворе Франциска I. Под итальянскими влияниями, во Франции исчезла суровость в нравах, общечеловеческая оуношенія улучшилась.

Но влияние Италии и ее цивилизации не убавило во Франции своеобразности; она сохранила своего оригинальносью, свой свободный дух. Измѣненіе, происшедшее во французском обществѣ вслѣдствіе влияния реформации и "возрожденія", немедленно оуказалось на литературу, не только во вѣнчаніи, но и на формах, но и на самомъ содержаніи, въ несравненно болѣе свободномъ, глубокомъ и всезорономъ одушеніи всѣхъ предметов. На одномъ направленіи литературы это влияние было особенно благотворно, однимъ родомъ поупушилось особенно силу, именно сакура, въ лицѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей XVI-го века, наизусть знающаго Франсца Рабле, этого Волтера своей эпохи, какъ его называютъ Мишле.

Италия-испанское влияние
 (Италяйское и испанское влияния)
 и ихъ одоление.

Преобладание итальянскаго и испанскаго влияній.

Въ эпохи возрожденія началось во французской поэзии

собоидий —, Генрих Великий с хоррами. Реформарский авантюристер Анжуан Монкретезь, избывший в сражении при Шураиньто 1621 года, писал трагедии, вилье сь драк. заговь политическою экономии. Лариве (+ 1612) писал пудогныя комедии; Александр Гарди (Александр Флагоду, 1560—1631) обирали Лоне де Везу и оставил 54 трагедии, нъ козорныя мучная „Мариянна“. — Уоне въ эпоху возрощидения развилае и классическая трагедия: явилася она, гала переводом, но и вскоре оригиналы. Мать де ла Шайвс (1540—1600) вилье сь „историей обьязанств миги“ писал трагедии и комедии, также какъ и братъ его Мать (1542—1592), оставивший „способъ писатя сзиди по-французски, како по-гречески и италъянски“.

Такъ называемая издичная литература, зредующая боильшею подготовкою обществу и больше установленныя идеаловы, не могла конечно поправитя такъ скоро, и ея разделъ въ пришлое начинать извощуюю частю работы сначала; но и она не была совершенно нова при Генрихѣ IV. Наболѣе видный разделъ литературы 7-ой эпохи были своего рода Генриховы IV по силѣ и энергичи, сь козорого она поддерживали приимити правилъ, носзи и порядка въ языкѣ и поэзии — это были нормансы, дець Малербо. Первая поэма его была, конечно, веда франкомена подражаніемъ италъянскимъ конкетти, но его ода на вѣздѣ Экапериты Медичи въ Парижѣ въ

1600 году уже написана хорошишь ерехомъ, полнеть
мудилой проехомъ.

1555-1628. Франсеа Малердь (François Malherbe) род. въ 1555 г.
въ Казнь, въ Норманди. Оуць его биль членомъ казн,
скаго суда, несмотря на огромно сьство, онъ намель
возможное даръ сыну прекрасное воспитаніе и, когда
дожь подростъ, отправилъ его съ губернаторомъ въ Парижъ,
Гейделсбергъ и Багалъ. Получивши коротое образование,
двадцати одного года вернулъ Малердь на родину, но
не надолго: скоро онъ отправилъ въ Провансъ при гер-
цогъ Англемеконъ, которъ биль назначенъ гуда
губернаторомъ. Въ 1581 г. Малердь женился, повидимому,
но разсезу, на шенизиль, уже уморившея двумя му-
жей. Онъ биль неслекривъ въ семейной жизни и по-
слѣдній 20 лозъ прожилъ на поместіи болоеука.

Въ 1586 г. чухерь герцога Англемеконъ, и Малердь
остался безъ покровителя; нѣсколко лозъ онъ скучался,
не зная, гдѣ преклонить голову, до въ Провансѣ, до въ
Норманди, наконецъ догадался обратиться къ сужковоръ,
сужу, которъ биль и пресиде замшчался, съ дожки зрѣній
чисзога формы и яснеези, съ болшишь чентахонъ: онъ
посвярилъ довольно болшию, но крайне прозаично
по содержанию поэму: „Слезы свѣдого Петра“ Генриху III.
Эзозъ негодной государь, законъ какъ и его бразъ Карль IX,
биль болшишь модифелемъ поэзи и прислалъ Малерду

въ подарокъ 500 заперовъ. Въ 1600 г. черезъ Провансъ протоз-
 тала невеста Генриха IV Марія Медичи; Малербъ воспользо-
 вался случаемъ повернуться къ козамъ въ похвальный оду,
 гдѣ, конечно, превознесъ Марію, какъ Золушко мою; отъ за-
 раннаго предсказывалъ ей рожденіе сына, котораго подбудити
 Турокъ, и итальянско президеверменно разовался слезами
 ищущь манокъ, сына котораго погубилъ отъ его краброси.

При прозаичности и бездарности ода озмлаежа
 силою сужия, благозвучіемъ, а главное дѣло, искусство;
 ее можно читать отъ начала до конца, не дѣлая ника-
 кихъ усилий для ея уразумѣнія. Въ 1605 г. Малербъ
 озиравился въ Паризь; Генрихъ IV пожелалъ видѣть его
 при дворѣ и далъ ему заглазіе: король говорилъ совер-
 шая объездъ для исправленія провинціалскаго судопро-
 изводства, а Малербъ доиспелъ быть заранее прославивъ
 эту потыдну. Испонидя звозъ «заказъ», Малербъ недоудой-
 нннъ образомъ обругалъ своего умершаго царственнаго
 покровителя: *Quand un roi faimeant, la verdogne des princes,*

Laissezant à ses flatteurs le soin de ses provinces,

Entre les voluptés indignement s'endort...

«Когда король-бездѣльникъ, попомение государей, осваивая
 забору о своихъ владѣніяхъ мѣсяцалъ, засыпаетъ негдъ,
 соудно среди наслажденій, ему оказывающъ уваженіе
 золушко для виду, и если можно сказать правду, не совер-
 шая преступленія, переживая его мы испиваемъ золушко

удовольствие".¹⁾

Вскоре после этого Малербе были сделаны итальянск², сфероны с оваловансели в 1000 шибровы в год и с едд³, замкнутого находився поездом при дворе. Таким какъ Генрихъ IV, несмотря на свой почтенный возраст, все еще продолжалъ заниматься индрикскими, но Малербе допущено было сочинять срифлованныя любовная гани, сочки къ фрейлинкамъ. Эти послания, написанныя 50 летъ тому назадъ для 52 летнего селадона, были далеко не изъ лучшихъ произведений Малербе. Генрихъ IV былъ, если не скупъ, то разсудливъ, и Малербе, горе, возмощивши его при жизни, съ удовольствіемъ забылъ его после смерти. Малербе, какъ характеръ, не представлялъ ничего симпатичнаго: когда его сами были удить на дуэли, Малербе пущили въ лодъ вѣтъ прусійца, чтобы возверси удійцу на Эмароде; онъ просилъ, кланяясь, писать прось⁴, бы въ срилахъ и въ прозе, воздѣль хлопозаръ въ лагеръ къ Римелге, по дороге просудился и умеръ 16го октяб⁵ брѣ 1628 г. въ Парижѣ. — Разсказывающа, будо на смеръ, коимъ одръ онъ исправилъ грамматическую ошибку свѣд⁶, щеника, которій пришелъ его напущевоватъ.

Малербе писалъ оды въ честь Маріи Медиси, Людовика XIII, кардинала Римелге и охъ встать или получаль благо, срило; послѣдній сдѣлалъ его государевымъ казначе⁷, емъ. Кромо того онъ писалъ срихи въ честь разныкъ высоко-

¹⁾ Ср. Prière pour le roi Henri le Grand, allant en Limousin.)

предоставлялись лицу, который поэме не оставляли его без награды, что не мешало ему почитать французов на чужбине своим родом, если они находили награду недоураочной. Въ то время уже открылся знаменитый оубль Рик-Буассе, и Малербъ былъ жалъ меланхолическимъ поэтомъ: его принимали жалъ какъ короля французской поэзии. Но лучше всего онъ губезовалъ себя среди предсавителей своей школы, когда онъ сиделъ въ своей парижской квартирѣ въ старомъ широкомъ креслѣ, окруженный поклонами, никами, и разбирали примески на его судъ срихозворенія, до жестоко нападали на негладкій срихъ, на не-правильную фразу, до милосиво выправлял легкіе промахи поэты; тогда онъ доискуственно губезовалъ себя царемъ.

Галезакъ (Валлас, 1594—1654) говоритъ про него: „Онъ разбирали дуга герундїевъ и пригасїи, какъ будто это были споры двубъ соседнихъ народовъ, изъ каменныхъ камней двѣ желали перейти границу другого.“ Малыйшая ошибка въ азукѣ, малыйшая какофонїя вызывали его въ гнѣвъ. Онъ требовали прозаической конекструкци, не дозволяли никакихъ поэтическихъ вольностей, требовали, чтобы каждая срихъ по своему предсавляла нечто цѣлое, не допускали гїазуса (сгегенїя гласныхъ), требовали, чтобы рима была только не только для уха, но и для глаза, ² запрещали римовазе простое слово съ его произ-

и не дозволялось римовазе слово на-ent съ словомъ на-ant.

воднама, (напр. jome и sejome), слова, близкия по смыслу (напр. rёхе и mёге) и т. д. Малербо как раз произвел реформу. Он сам во своих произведениях строго соблюдал все эти правила, за что и выправлялся им же, позволением долго.¹⁾

Малербо культивировал главным образом оду и персе, несъ в себѣ вѣсь особенности оды классической, премну, тесзвенно пиндарической, р.е. мивологиче, дилитная оти, цезуренид, апофеози, массу зрочови и фигурь, но все это оти, каюь и его послѣдователи, разбавилъ французскою разумностю и ясностю мышленид. Самъ о себѣ Малербо билъ очень высокога мненид. „То, что Малербо пишеди, оудаетъ на вѣки“, говоритъ оти. Онъ высказываетъ удѣли, дение, что Людовикъ XIII необдуманно смасхливъ, маидъ въ немъ себѣ такого поэта, похвала корорато на, всегда передаетъ въ позоисво. Это мнение съ нимъ раздѣлила „вед ложно-классическая школа, поидриъ коророй слѣдующимъ образомъ выразилъ ея знамени, рый георезикъ Буало: *Bufile Malherbe vint; et le premier en France, fit sentir dans le vers une juste cadence; D'un mot mis en sa place enseigna le pouvoit, Et reduisit la muse aux regles du devoir...* „наконецъ (послы многихъ болше или менше неудачныхъ попытокъ создать истинную поэзию) явился Малербо, и

¹⁾ Въ честь многихъ анекдотовъ о немъ еще законъ. Одни вдовецъ-провинциалъ заказалъ ему написать срихозвореніе на смерть его жены. Малербо писалъ два года, когда оно было окончено, изустинной вдовецъ оудался принять его, даюь каюь онъ цетиль онемарся вдоричко.

первый во Франции заставил поощривовать изданныю гармонию сриха. Указавъ каждому слову его мѣсто, отъ его точности опредѣлили его силу; мизу поднимали отъ пра, вилать и долгу. Языкъ, преобразованный озилъ мудрыми писателями, не предохраняетъ съ тѣмъ поръ ничего грубаго деликатному уму. Франсы начинаютъ ниспадать съ франціей, срихъ не осмѣливаются болѣе насущать на срихъ. Все при, знало законса маперба, и озозъ второй руководилъ сну, ширь образозилъ даме для авторовъ каменого времени".¹⁾

Было въ зольскомъ приведенномъ срихѣ право въ толь, что касаетъ записи маперба относительнаго языка; здѣсь его ригоризмъ былъ у мѣста, какъ какъ отъ нашего языка въ соседній крайне каоринскомъ: его пѣсунила масса варваризмовъ киничнаго происхожденія. Какъ Ген, риль IV сироводилъ изъ Франціи менанскихъ солдатовъ съ прибауркой: *bon voyage, messieurs, et n'y revenez pas*; такъ и мапербъ изгналъ изъ литературнаго языка эти поминца варваризмовъ. О содержаніи, т.е. объ идеяхъ своихъ лирическихъ произведеній, мапербъ задохился менте всего, и мѣхъ поэтико обрисовалъ двумя словами, сказавъ, что отъ всегда сходилъ за интересы правды, сува и пободоноснаго большинсува. Что касаетъ до его вліянія на литературу, оно ясно изъ всего характера поэтико-классической школы. Въ маперба александрий, ский срихъ, которому отъ придали сурогивъ правила, сдѣлался

¹⁾ Ср. Voileau, Art Poétique 1 v. 131 p.

преобладающими во французской поэзии. Хотя по мысли, что истокорство кризисовъ схики Малерба, Бюсси Тиссе, Ляли и зворческого фразизии, ^{добра} во все-таки они обозначаютъ поворота французскаго духа къ „bon sens“, къ ясной разумности и къ призыванію къ величію и свохскому произвозанію Франціи. (X)

Сатирическое направление эпохи выразилось въ политическомъ памфлете, называемомъ подъ названіемъ „Антиквейской сатиры“ (Satire Menippée). Это двѣнадцатое, но замѣтательное произведение, хотя и вышедшее соврѣ- менными событіями, но имѣющее историческое значеніе по сатирическимъ и красноречивымъ выходкамъ прозвѣ- миги, г. е. каролинско-испанской поэзіи Тизова, непризнавшей Генриха IV и поддерживавшей мексикацкую войну, съ помо- щью испанскаго золота. Въ ро время, когда выборы на де- путата отъ всѣхъ сословій государства, собранные въ Паризѣ герцога въ Майенскихъ, расходились, не придумавъ ничего къ спасенію Франціи, когда духовенство открыто проповѣдо- вало возстаніе прозвѣ законнаго короля и увлекало за собою невѣжесубетную массу, селеро парижскихъ папри, ожесточенно грабиданъ рашиннаго дѣйствовало перомъ и словомъ прозвѣ издѣли и клеветѣ каролинцизма и обнаружива- вше замысли и пресудиленія миги. Это были: поэтъ Жюль Эпурванъ; ученые и писатели Жакъ Пассера (1534-1602), авторъ латинскихъ диссертацій и французскихъ схикива о

любви и охоты, и Флоренца Кротонь (1546-1591); Жак Шилло, соавториче въ парламенте (1540-1619) и авторъ серьезныя каноническыя трагедовы, первый подавший мысль „Менипитской сатиры“; ученый юристъ Пьер Пизу (1539-1596), авторъ „Свободы Галликанской церкви“, оуправивший Бастии Фредра и законы безурочовы; судьба Николай Такенъ (1550-1608) и каноникъ Пьер Мерца, собиравший у себя въ дому авторовъ сатиры и написавший первую часть ея: „Catholicon d'Europe“; вторую часть создавающа „фарае миги“, третья — „Explication du Hicqueto d'inferno“, четвертая, изъ мелкихъ сатирическихъ вещей, принадлежиши Жинко Дюранъ.

Сатира эта, разошедшаяся въ четырехъ изданияхъ въ течение одного мѣсяца, нанесла жестокий ударъ миги, осмѣявъ и обнаруживши все ея прихвѣщанія и происки. Парзю, дерзавшийся Мепанин и лодариттескыя герцо, говы, представлена въ сатиру въ видѣ марлазановы, занимающихся взрывливаніемъ „казоликонна“ — эссенціи, создавемной изъ залоного порошка, пексиконны, отъ „щаний“, громкыя фразы. Въ комическомъ видѣ представлена процессія генузаровъ миги, оуправляющаея выдирать себя короля и состояща изъ французскыя монаховы, превратившихся въ солдаты; затымъ осмѣяна самая сходка мигеровъ, восхваляющихъ религіозную и теодиоусодную войну. Герцога Маймерий, выведенный

на сцену, вскакивая, въ свойственную ему выразительность, зомомъ надомнаго убійцы, надежду розорить и погубить Франциско; римскій легатъ произносилъ по-узальтоски почтительную речь, сопровождая ее возгласами гнетна! Кардиналь Паллеве, чтобы доказать своего ученого, гово- рилъ вздоръ по-лазали. Осурозы, злая выходка, ртызид насмѣшки, часто грубая и не советами приличная, на, помянуть эзотъ наморлеза, много способствовавший Ген- риху IV въ разоблаченіи и уничтоженіи его прохвотниковъ.

Визирьки послѣдующаго времени озливаются не только рязкими направлениемъ. Это — именно д'Обинсе и Ревбе.

1550—1620. Агриппа д'Обинсе (Theodore Agrippa d'Aubigné), Биогра- фидъ козорого — цѣлѣй романи, род. въ 1551 г. въ Сензонанъ; отецъ его былъ гугеновъ и храбрый воинъ; мать — жиды, газельно ученая писанина; она жила въ подлинникъ Василія Великаго и писала на него коммензарій. Агриппа началъ учитьсѣ 4 года, и 8 года не только зналъ по лазали, но жила въ подлинникъ Плато, на, козорого и переводилъ, и занимался еврейскими язы- ками. По девятому году отецъ повезъ его въ Парижъ; ины пришлое протозомъ черезъ Амбуга, гдѣ зомско то произошло убійце гугенозовъ, головы козорыхъ зоргами на пикаль. Отецъ громко выразилъ свое негодование и зтомъ возбудилъ снать зомки; нуремсервенники насилью озбились отъ враговъ. По выезде изъ города отецъ вздумъ

съ сына князю, что онъ озабоченъ за убийство. Въ Париже
 Агриппу отдали на воспитаніе къ знаменитому гумани-
 сту-гугеноту Беруальду. Скоро Беруальдъ долженъ былъ
 бѣжать и забвѣшилъ съ собою своего десятилетнего воспитанника;
 Беруальдъ и его спутники попали въ руки ка-
 заческаго солдата и вотъ, какъ ерезики, были осуждены
 на смерть. Это былъ первый, но далеко не послѣдній
 смертный приговоръ Агриппѣ. Католическіе офицеры
 заинтересовались храбростью мальчика, который даже
 не перелѣзши въ лязгъ, услышавъ о близкой казни,
 гдѣ-то заиграли музыка, и ребенокъ исчезъ тѣлоу,
 чѣмъ еще болѣе завоевала симпатію враговъ. Пленника
 не казнили, а посадили въ тюрьму и поручили ему сберечь
 тайному гугеноту. Хотя бѣжалъ въ горы съ матрешкой къ
 Орлеану, гдѣ губернаторъ зовалъ отца Агриппы. Орлеанъ
 въ это время осаждали королевскія войска, и сраженія дѣланы
 были раны при вылазкѣ. Не успѣвъ онъ оправдаться
 отъ раны, какъ долженъ былъ ѣхать къ Каузрику Медичи
 договариваться объ условіяхъ мира, по дороге онъ рас-
 слорался и умеръ, напоминая сына на смертномъ
 одрѣ его князю. После смерти отца Агриппа былъ по-
 сланъ въ Мексву, которая для гугенотовъ была границей,
 чѣмъ Аоины для Рима; занимался онъ много,
 но много и курилъ; возвратившись во Францію само-
 вольно безъ вѣдома опекуна, онъ въ Лионѣ преданъ

изгнанию махметовичи и паши. Опекун на первое время не давал ему денег, и махметовичи хорошего съезда, риз похвасту домоченки были обходиться безъ обѣда.

Началась новая война, и Агринна съ московскими еверзниками условился принять въ ней участие. Она, савес, что Агринна убѣдился, опекунов приказывали на ночь одеваться оу него плаще и обуви, но это не помогло: услыхавъ условленный сигналъ вы, срылись, потюма на прощанье въ одной сорочкѣ спу, срылся изъ окна на улицу, вскочилъ на приговоренн, ную заранѣе лошадей и уекакали въ лагерь гугенозовъ.

Полковничъ снабдилъ его плащомъ; въ бѣзвѣ на другой день онъ добылъ себѣ оружіе, а офицеры собрали ему плаще. Опекунъ потребовалъ выдачи бѣлнца; д'Обинсе пробился силою черезъ болту, добрался до своего оузда, а тамъ за него заслужилъ солдатъ. Въ дѣлѣ поръ онъ принималъ самое дѣлительное участие во битвѣ бѣзвѣ. Однажды, являемо раненный, оградившес въ своемъ вы, здоровленіи, онъ началъ казъся предъ товарищамъ въ грѣхѣхъ своихъ; когда между прочимъ онъ разска, зывалъ, какія звѣрства онъ позволяли совершать сво, мнѣ солдатѣмъ надъ коломикамъ, у него, далеко несет, зинензаломъ, слушавшей оу уснаса волосы еранови, нес дѣлать; а разсканику было всего 20 лѣтъ!

Въ промежуткахъ между бѣзвѣи д'Обинсе устали

выдобрать и прославить предмечу своей сраши во цыलोंх
 ряды схиловореній, созабившеми сборникъ: „Весна д'Обинсе.“
 Не задолго до Варшавскаго пою д'Обинсе участвоваль
 въ поединкѣ и сопротивлялся желавшей вытиснаться
 полиціи съ оружіемъ въ рукахъ. Веландевіе зтого отъ
 принужденъ былъ бѣжать, и это обстоятельство спасло
 его отъ смерти. Когда прекращилось издѣіе гугенотовъ,
 Агриппа д'Обинсе очутился при малемъ дворѣ Ген-
 риха Наваррскаго, которій былъ посланъ въ Венсенъ
 подъ надзоромъ Тизовъ, сдѣлавшихся вѣлыми мѣрами
 разврату опаснаго соперника. Д'Обинсе съ другими
 друзьями Генриха въ это время часто бываль въ Парижѣ,
 предаваясь тамъ всевозможнымъ безобразіямъ и не разъ
 однаманъ шпату, защищаясь противъ полиціи; все это
 имъ еходило съ рукъ. Когда Генрихъ бѣжалъ изъ Вен-
 сеня, д'Обинсе бѣжалъ съ нимъ и осѣвался при немъ въ
 качествѣ его *maréchal de camp* до его подѣдонскаго вѣзун-
 ленія въ Парижъ. Генрихъ высоко цѣнилъ его гезуеуе,
 но не всегда бываль доволенъ его рѣзкою правдивоестю.

Во время войнахъ и схваткахъ гугенотовъ съ като-
 ликами д'Обинсе принималъ самое дѣятельное участие;
 а въ 1583 г. отъ женился и взялъ за женой большое при-
 даное.

Когда Генрихъ IX едѣлся королемъ французовъ
 послѣ своей знаменитой мессы, д'Обинсе векоръ похи-

нуть его: ренегатство его возмутило; замазанный гуге,
 нога не поминала, какъ это можно оскверниться отъ рели-
 гии для государственныхъ цѣлей. Д'Обинсе такъ разсказывалъ.
 ваявъ сцену ихъ прощанія: Тенрихъ опустили его доволъ,
 но ласково, но сдержанно; отъ двѣри д'Обинсе возвратился
 назадъ и спросилъ: „Государь, скажите мнѣ, не какъ король
 подданному, а какъ другъ, за что вы меня ненавидите?“
 Тенрихъ подлѣгнулъ, какъ всегда, когда несправедливо ду-
 шевное обвиненіе: „А зачѣмъ вы такъ сильно любите Ля-
 Тремура?“ „Но, Государь, вы сами любите его.“ „А любите
 прежде, а вы зачѣмъ не презрели любовь его вѣнгерки со-
 мной?“ „Я востужаюсь въ то время, когда вторые люди ска-
 зываютъ въ несчастіи, и вынесъ убѣжденіе, что измѣните
 своему другу только позолу, что отъ не любовь государю, не
 презрѣно.“ Тенрихъ замолчалъ, позолу обидѣлъ и поцѣловалъ
 Л. д'Обинсе; на позолу и разошлись ссорные друзья. Впоследствии
 убій они примирились, и не за долго до смерти Тенри-
 ха д'Обинсе бѣжалъ наземлетъ посланникомъ въ Герма-
 нію.

Во время ренегатства д'Обинсе перешелъ на сторону
 оппозиціи и сражалъ во главѣ ея; тогда же отъ издалѣ, исхо-
дио своего времени¹⁾, которая по приговору парламента
 была сожжена рукой палача. Угрожаемый зорькой, отъ
 со свизой въ 20 человекъ покинулъ Францію и перешелъ
 въ Шенеу, гдѣ его приняли на службу съ распроезервации

1) Эгозъ гугенотъ отдался жемъ врагамъ Тенриха.

2) Histoire universelle

обязанности. Хотя ему было надо бо много, отъ мотъ энер-
гично работая (перомъ и перомъ и скупался одними
изъ первыихъ знаковокъ военнаго дѣла. Ему поручили
укрѣпить стѣны Менави; такъ какъ онъ боиснозю,
бался для этого каменьями какой-то церкви, врые гурь,
нога обвинили его въ сѣздозахуе, и онъ въ 4-й разъ
въ жизни былъ осужденъ на смерть; приговоръ однако
не былъ приведенъ въ исполненіе, и черезъ нѣсколько
мѣсяцевъ мы видимъ его опять въ хорошихъ отноше-
ніяхъ съ городскими сотовзавъ. Д'Обинсе умеръ въ Мене,
въ въ 1630 г., 74 лѣтъ отъ роду, завѣщавъ душеприка-
щиками распорядиться оставшимися после него много-
численными бумагами, какъ имъ заблагоразудится.

Какъ мы уже слышали, въ промежуткахъ между дѣлами
Агриппа д'Обинсе успѣлъ выдѣлаться и прославился пред-
метъ своей срааски въ рядѣхъ срикозвореній, соежавившихся
сборникъ: „Весна д'Обинсе“. Его срибли рѣзко озимляющая
отъ модной, придворной поэзіи того времени: въ нима
много выраженій срубныхъ, непоздуманныхъ, но они про-
никнузи некрепностью. Точеско на одръ Болъзми велѣд.
сзвіе равъ или отъ уздалосзи отъ брался за перо. Но
отъ все ухотъ дѣлать скоро, и въ эзи короткіе про-
мезузки оуднихъ написали нѣсколько поэмныхъ
домовъ. Рѣвнозний професанръ, другъ и сотовзникъ коро-
ля, онъ написалъ для его двора трагедію „Цирцея“, но его

ошкривленности и прозкое осуждение посягательства самого короля и его матери, не могли нравиться Генриху IV, елизаветы, что его воля — законъ для всей нации. Но, пробовавъ, но безплодно, приобрести расположение своего старого разнаго товарища милосердими и деньгами, король изгналъ его оубъ двора. Гесунный д'Обинсе продолжалъ од, како защитицаръ короля оубъ нападковъ его враговъ и только напоинилъ ему изъ Мемевн писемъ, что по, мовъ ему однажды спасрелъ изъ заключенія и, въ двенад, царъ мноръ службн королю, получилъ зорско двенадцаръ ратн, въ сраженіяхъ, оказавшис оубъ великнхъ награда и почестей.

Мелче своего прозвнъ придворннхъ д'Обинсе изинилъ въ двнхъ романахъ: „Приключенія барона Френесежа“ и „Каролинская исповѣдь сира Сакси“.

Наибольшей популярности пользуются упомянуты, зны романы. *Les aventures du baron Faimeste* (При, клоченія барона Френесежа), создателъ главннхъ образовъ въ диалогахъ гасконца Френесежа (оубъ Фитанде, казарсел) и парижанина Эпау (Эйвас). Первый изображаетъ дво, рднх, живущихъ на показъ; чезати второго говоритъ самъ морализирующій авторъ. Баронъ Френесеж како бы совннцаетъ въ себѣ 2 поколнціи французскихъ дворянъ: грубнхъ разбойниковъ служнаго времени и салонныхъ проидовъ XVII в.; отъ разказываетъ въ хвалъ, уверваннхъ,

какъ онъ посылалъ своихъ слугъ грабить по дорогамъ и городамъ и при зловѣхъ посылалъ лѣвиную каску доброви, а понавишавъ въ руки полиціи своихъ слугицелей предо, сравадль тѣхъ часехъ. Но воръ, онъ попалъ въ Парижъ и сраараездъ проникнухъ въ боньшой створъ; если ему удаеся похуицъ пригласеніи, онъ грубо лъсрихъ хозяевамъ, самъ приходицъ обайзисъ безъ обтода, онъ ковырѣхъ въ зудабъ съ видоитъ человека, оудлѣсннаго нищей; онъ легко мо, тухъ обайзисъ безъ руданки, но не зналъхъ денегъ на самыс модныс галезули. Въ общемъ произведеніе слабъ, и моральъ автора не особенно высокоиъ пробы, но оудтнъ, ныс эпизоды драгоцѣнныс для характерисухис времени.

По смерти Генриха IV ^{д'Обинсе} издавъ уде упомянухуно „Восподицно изорисо“ его времени (оухъ 1550 до 1601г.) въ двухъ томатъ; зрозій томъ, поавившиисъ нѣсколко поздне, биль половнъ закити сѣтлѣснн и сѣдиламъ, что книга била сожжена парламентамъ и авторъ едъ босманъ въ Маневу.

„Histoire secrète de Theodore-Agrippa d'Avignè ecrite par lui-même et adressée à ses enfants — его авробио, графид, въ котораи онъ говорицъ, что смерзной приго, воръ за то, что онъ для возсудановленія женебскихъ сръхъ упозредиль на посройку развалины какой-то церкви, биль чезверзый, для его великой чести и удо, болсезвѣд.“

Но самыиъ розкииъ произведеніемъ д'Обинсе била

сатирическая поэма, Les Tragiques, donnés au public par le larcin de Prométhée, изданная в 1616 г., родъ поэмы, скаго Сзрашнала суда; она соедюжила изъ 7 пьесъ, каждая 1200 - 1500 стр. Заглавіе это дано въ печати поэмы потому, что авторъ ея, опасаясь за нее гоненій, приписалъ появленіе ея въ свѣтъ красной рукописи, произведенной его лакеемъ, Прометеемъ, въ чейхъ рукахъ сама созидаея, въ предисловіи. Поэма описываетъ нравное и физическое положеніе Франціи во время Варроломеевской ночи. Первая пьеса, поющая названіе Misère ('Трагедія') представляетъ картину сцены, устроенной группами и развалинами, между козорошми: посязея наслѣвие солдаты, безснательные разбойники, смазанные крови и грабешей? Эта пьеса изображаетъ Трагедію Франціи во время борьбы гугенозовъ съ католиками. Во второй пьесѣ, озаглавленной Le prince - 'Принци', поэтъ проникаетъ даже въ апартаменты королевы матери и принцессы, играющей въ карты, сѣвка козорошль-иъ любви. Невозможно ни перевести, ни цитировать ризидла стиховъ этой сцены. Молодой и нравственный гугенозъ видить въ любви извѣстность и разодозилъ юности, передъ козорошми весь преклоняется. Онъ спрашиваетъ: за что воздаюте мнѣ заися погеси? Командовали они армію, спасли короля? Ему отвѣчаютъ, что это королевскіе министры. Здесь - специальный обвини.

земный акту прозвон Карла IX и Генриха III. Поэт
называется Карла Лозарингского кровавыми кардина,
лоты, Экзерциу медуи - распухой орморезинской,
адской маркизанской. Проклиная злоумышленник нап.
ской власти, бывшей приключено велье бедствий Франции,
онь дознается высокого поэтического красноречия, застав.
ляя напу произносить следующую горделивую гираду:

Я объявляю, что безправье есть право. Плоть, кого я про,
кляну, не может быть спасена, если бы даме этого хотело
само небо, я разрыла пороки, определяю, что фракты не,
существуют, далаю изъ правосудия несправедливоесть; Я
въ одну минуту спасая осужденные и управляю въ небо
целый полкъ иль, я далаю изъ гряди королей и снот,
шавая королей съ грядыю; я далаю связать, мнот пови,
нуодея ангелы. Первая прищипа всего въ этомъ мнот,
Я могу переломать адъ въ небо и небо въ адъ. Возь
въ подлинника последние стихи этого энергического
монолога: *Je fais de bone un roi, je mets les rois aux fanges,
Je fais les saints; sous moi obeissent les anges;
Je puis, cause première à tout cet univers,
Mettre l'enfer au ciel et le ciel aux enfers.*

Третья часть, Голова палача - полна возмущен.
ной франзази. Милосердие и миръ умоляютъ Бога оз.
мечуть за злоумышленную надъ ними несправедливоесть.
Богъ всааетъ, миръ погрязаетъ, человекоество зрелеесть;

из кровавыхъ рукъ поблѣднѣвшихъ королей, презирав-
шихъ гуманное, надаторъ окровавленныхъ скинзры.

Богъ направляетъ къ „Залозой палаты“, усматкину зда-
нито, воздвигнутому изъ косяей и череповъ, сложенныя
кѣпелювъ, кровелью и мозгомъ шерьвъ. Тамъ соединены
все пороки, перечисляемые поэтомъ, и заставляють судь,
эти „неполншзели королевскаго произвола“, громятъ
лице преступленіе на преступленіе. Правосудіе, исчерпан-
ное и затлаканное, являетъ передъ зрѣніемъ Бога съ мало-
бой на наносимыя ему оскорбленія. Въ небесахъ оно
узышено, но на землѣ проводитъ длинный рядъ шерьвъ,
посылаемыхъ на косяерь чловѣческихъ правосудіемъ.

Во главѣ мучениковъ — Дюбуртъ, говоунико парламентца,
социалистическаго, какъ ерезики, по повелѣнію Генриха IV.

Последующія книги уныреннѣе и слабѣе.

Третья часть, подъ названіемъ „Огнѣ“ — предсав-
ляетъ подвиги гиттъ реформации. Драма, играя
на землѣ, оканчивается въ небе. Последнія три поэмы
поэмы: „Оковы“, „Мизеріе“ и „Судъ“, написанныя
гораздо позже, значительнѣе слабѣе первыхъ частей,
особенно описаніе сраженія суда. Въ цѣломъ эта
сатира — самое крупное поэтическое произведеніе д'Обинсе —
предсавляетъ всетаки замечательней, грандіозный
зрѣкъ, заданный поэтиками. Поиско въ последние время
многочисленная сочиненія д'Обинсе начали говорить

къ печати въ полномъ созавѣ. Подъ староеъ среди мел-
кихъ людей ^{защитан} вѣдомственнаго XVII в. Агрина д'Обиме
представлялся какимъ-то великаномъ, точно судьба та,
точно сберегла его, чтобъ показать, какіе люди бывали
прежде.

Еще болѣе значенія какъ саририсъ имѣеть Ма. 1573-1613.
Журинъ (Журинскій) Ренсе (латинскіи Реніас), род. 1573 г.
въ Шардръ, гдѣ озецъ его, городской саририса, содержалъ
зракциръ и отдавалъ залу для свадебъ и баловъ. Махъ
Ренсе была родная сестра извѣстнаго придворнаго поэта Филиппа
де-Порту. Такимъ образомъ махъ и махъ сестры вынеси
охремленіе къ поэзии и въ то же время имѣли случай
наблюдать жизнь съ той же стороны, которая бываеъ обик-
новенно закрыта для друзей приличнаго буржуа. Ма,
Журинъ получили хорошее образованіе и начали писать
српки очень рано, и въ первыхъ своихъ произведеніяхъ
подражали де-Порту, автору благозвучнаго, но мало
содержательнаго срикозворенія; заговори отъ вѣдлея
за родъ поэзии, къ которому чувствовали приросденъ,
нужо способное — за кацирю, и въ ней преслѣдовали сво-
ихъ созривающъ. Его саририсскіе описки не нравились
дочка-озцу: „Когда я былъ маленькимъ ребенкомъ, говорили
мажуринъ Ренсе въ одномъ срикозвореніи, озецъ гасцо
бранилъ меня и угрожалъ розгами за мои пьески. Они
говорили мнѣ въ смѣхъ: погоди, брось српки! чего ты надѣешься

положений; он раздумывал, как войти в моду: за-
 стел ли на школьную скамейку и по окончании курса
 гезувийского образования получил священническое мундштук, или
 искал счастья при дворе? Двор и придворная эрмитаж
 были пропитаны ему, как человеку из народа, как
 большому гравидантскому латинскому кварталу, хотя при
 дворе Тетриха IV зреть эрмитаж был не особенно развешен;
 но он очень боялся умереть в кабак или под забором,
 а работать ему не хотелось; и вот мы видим его вытесни-
 сть Маларболта сочиняющим любовное письмо для короля.
 Въ 1604 г. он получил преданье въ Марбург, а по
 смерти дяди — и аббаццо; зелье не меньше он не издох,
 гнал своей участи: он умер в Франкской эрмитаж,
 ртуть, по изгнанию своего образа жизни, создавал все,
 хать во встать своей порокаль, умереть, едва достигнув
 зрелости плоти, от последней болезни, привезенной им
 из Угалин, умереть в 1613 г. около 40 лет от роду. (A)

Произведения его особенно многочисленны: он
 сам говорил про себя, что когда он берет в руки перо,
 ему оно кажется тяжелым, как ведро галерного не-
 воинника. Ему правится мирозерцание Горация, и он
 проповедует его, присоединяя къ эпикуреизму рали-
 гозный пидифорезервизм, но въ снотосси садири он
 идет дальше Меценатова друга: он преследует
 недосадки не общечеловеческие, а специально французские,

ему современны; сильно досаждалъ ему самолюбивыя буржуа, придворныя французы, докторы, адвокаты, которыхъ отъ характеризовать мелкими, но конкретными чертами. Мыслими сатира его зрѣла до крайности, оживляясь какою-то или кое-чемъ еще худшимъ. Но передъ смертью Ренсе измѣнилъ направленіе своей поэзіи и, вѣрнее сатиры, сталъ писать религиозный сатиризмъ, но главную заслугу его составляють все-таки 16 сатиръ, въ которыхъ отъ описываетъ пороки свои и соотечественниковъ. Въ самую себя отъ написалъ шесть сатиръ. Лучшая сатира его направлена противъ Малербъ; но энергія поэта таско превращается въ грубость, сатиры его небрежны и не правдивы, и ни одна изъ сатиръ его не выдержала до конца, хотя отдѣльные главы въ нихъ прекрасны. По языку, какъ и по реализму своихъ произведеній, Ренсе больше подходить къ эпохѣ предшествоющей: отъ модерна архаизма, и его трудно читать безъ словаря и комментарія. Но несмотря на все это, у него много замечательныхъ писателей послѣдующихъ эпохъ.

Таскорант —
надушенная поэзія

Между тѣмъ не такъ скоро исчезло вліяніе мало-испанской поэзіи, какъ французизма. Въ сущности французскія поэты и прозаики продолжали поэтическое вліяніе гусинь литературы еще какое-то время удачно. Когда Малербъ безгранично царствовалъ во французской литературѣ, въ ней существовали

видъ поэзіи, ему не подчинявшійся и не признаваемый
низкою Ариостою, но популярной насюльско, что сама
суровый диктаторъ французскаго Парнаса не осмѣлился
поднять на него руку? Мало-испанскія любовная
тѣни заволокни: суровый классицизмъ лишился и въ
популярности, но мало-испанское вліяніе продолжалось
любъ въ насюльско-романтъ.

Идиллія — пастушеская поэзія, какъ замеръ дознано, еще
родъ поэзіи, никогда не прекращавшійся: ее знала и
культурировала и греческая древность, и позднѣе по
Р. Х.; насюльско существовали и въ Триванствѣ, и въ евъ,
верной Франціи и придалъ дальнѣ особнй видъ, соотвѣст.
свѣтлощій манру и живописи. Поэты Возрожденія
охожно использовали свои силы, подражая эклогамъ
Виргилія. Въ послѣдствіи эклоги эти свѣзываются въ
одно цѣлое прозаическими отрывками; другія эклоги,
цикллизированныя заклинь образамъ, принималюу дра.
магическую форму и попадаютъ на театръ. Подобно
долу, какъ Виргилій подъ своимъ Тизирани и Мем.
Бедли разумель себя и своихъ современниковъ, мало-
испанскія поэты эпохи Возрожденія использовали эту
формой для земденцгознаго и односторонняго цюобразенія
дтнцвизельности. +

Въ 1502 г. вышла въ свѣтъ „Аркадія“ неаполитан,
ца Саннадзаро (Тисоро Риппазато, 1453—1533), коюрая

1) Это насюльско-романтъ.

въ одномъ XVI столѣтїи Вѣдерманна до 60 изданїи. Она
 написана прозою и стихами въ перемѣнку, зажитковъ,
 раздѣль, что проза соединяетъ художественная Эклоги и пастыри,
 создавая въ рамку, въ которую вливаются они. Въ ней
 всего 12 сценъ; суроваго, суроваго говора, нѣтъ, зато много на
 дѣйствїе поэты не обращаютъ вниманїя. Поэты выводятъ
 самого себя подъ именемъ Вингера, несчастнаго любов-
 ника, который покидаетъ Мцалию, бродитъ по свѣту, на
 конецъ, углубляется въ лѣса скалистой Аркадіи, гдѣ
 живутъ невѣрные пастухи. Вингера находятъ тамъ со-
 губившуюся души, разсказываетъ о своей любви къ Ана,
 франц. въслушивается разсказъ другаго пастуха, услышавъ,
 ваетъ игры при гробѣ сивиллы Массилии (своей матери)
 и позволь увлеченный на дно моря, проникаетъ
 подводнаго дорогаго сына въ Мцалию. — Это еще пока,
 лѣтъ не романъ, а рядъ Эклогъ, вращающихся около
 одного центра и одитъ и рѣчь же лица и изображенїя,
 поэты красоту природы и сентиментальную юность,
 свою любовь, съ введенїемъ и послѣсловїемъ.

Эта поэма-романъ является издѣльнымъ формою,
 издѣльными губернами, искусственно, съ какими въ ней
 соединено средневѣковое поклоненїе женщины съ
 современной поэмою психологическаго губерна, а главное тамъ,
 что она соотвѣтствовала потребности извѣстной габри
 обществу въ такой поэзіи, которая представляла бы не

воспроизведение природы, а усовершенствования ее.

Санназаро писал многих и знаменитых в свое время последователей в Испании и во Франции, у которых элемент романа берется острозаметный перенос над элементом лирическим.

Порквато Тассо (Gottardo Tasso, 1544-1595), автор "Освободившего Иерусалима" — знаменитый предшественник эпохи реставрации католицизма в Италии, в 1573 г. сочинил пастушескую драму "Аминта", которая тогда же была поставлена на сцену и давала ей огромную известность. В этой драматизированной форме Тассо изобразил флорентинский двор. Совершил Тассо при дворе Дези, Баттиста Гварини (Battista Guarini, 1577-1612), написал пастушескую драму "Il pastor fido" (Вертный пастух). Это сочинение, как видно из названия самого заглавия, есть пастораль; она тоже написана для сцены и содержанием далеко превосходит Аминту Тассо. "Il pastor fido" — самый образцовый образец эпохи элегантно-поэтической идиллии.

Известный пастушеский роман, популярный и близкий, является в Испании в 1542 г.; это роман "Диана" Монтемайора. Jorge de Montemayor (Хорхе-Георгие-Монтемайор, 1520-1561), родом португалец, был в своей "Диане" несомненно являлся подражателем Аркадия Санназаро; существование

пастушеский роман

различіе въ тонѣ, то Монтемайоръ значительно больше обращаетъ вниманія на эпическую часть, хотя и у него описанія и многочисленный лирическій эпизодовъ, нѣтъ игратъ очень видную роль, и масса публики они поправилась гораздо больше разсказа объ исторіи любви пастуха Серено и пастушкѣ Діанѣ, въ которой Монтемайоръ изобразилъ исторію своей содвѣтливой любви въ одной леонской дамѣ; многочисленные эпизодическіе разсказы, какъ полагаютъ, изображаютъ событія изъ жизни его друзей.

Его — безеодержательный и тосканный романъ: про одну изъ пастушекъ (Теллизу), какъ, разсказывается, будто она такъ много плакала, что отъ слезъ ей пролезъ ручейскъ, который окружилъ со вѣтъ ея исторію холмика, гдѣ она и заснула. Однако, скоро перебедевший на другіе языки, она очень понравилась публикѣ: общесво хотѣло оудохнуть охъ кровопролитія, съ исторіей оно вернулось и въ жизнь и въ рыцарскія романы; издали находили, что здѣсь все такъ занимательно, какъ, напр., въ самомъ Амадисѣ, но изобразенная въ живыхъ красота жизни сердца гораздо интереснѣе вѣтъ пастушкѣ журпировъ и дивъ. У Діанѣ Монтемайора явилось много подражаній; повѣдшіея вскоре французскій переводъ выдержала въ короткое время нѣсколько изданій и

вазвали самолюбивое французской франзази.
лучшій и влиятельнѣйшій изъ путешествіи романовъ
Франзизіи Асторей Оноре д'Урфе.

Оноре д'Урфе (Honoré d'Urfé, 1567—1625) происхо. 1567—1625.
диль изъ старинной аристократической фамиліи; его пред-
ки были изъ Баваріи, гдѣ назывались Вурцерами; однимъ
изъ его ближайшихъ предковъ были военачальники Фран-
циска I; съ ними вѣнгеры они были въ Италіи и по воз-
вращеніи орудя похрустѣли себя замкомъ la Bâtie. Въ
этомъ же замкѣ въ 1567 г. и родился Оноре. Онъ былъ
дурнъ лихерь и сражался до послѣдней возможности
съ Генрихомъ IV; когда зоръ подогнали, онъ перетѣхалъ
въ Савойю, гдѣ у него были родственная связи; но
похотѣ вернуться назадъ и примирился съ существу-
ющимъ порядкомъ.

Въ ранней молодости юности онъ былъ влюбленъ
въ такую Диану де Мазоморанъ; когда онъ вернулся
изъ путешествія на о. Мальту, онъ нашелъ ее замужемъ
за его родственникомъ брадомъ; но любовь не умерла въ его
сердцѣ; черезъ нѣкоторое время папа дозволилъ раз-
водъ, и Оноре женился на Дианѣ. Плохо были они
вознаграждены за свое похрустѣво: Диана оказалась
женщиной сварливой, и его бракъ былъ несчастенъ.
Ного онъ не нашелъ въ дѣйствительности, го сражался
воспоминанъ въ своей франзази. „Astrée“, романъ свой,

отъ началъ въ Савойнѣ; первая часть ²²⁰ "L'Astrée, où sont
dédiuits les divers effets de l'honneste amitié" ²¹⁰ вышла въ
1602., а перверзая — въ 1627, черезъ 2 года послѣ его смерти.

Много дѣйствій романа — сфорсы; время дѣйствій
— неопредѣлимо: страннаго управителя королева Анжуйскя,
содержащая при себѣ „любовный дворъ“ (sous d'amour)
изъ многочисленныхъ пинорн, между козоровки первое
много по красоте замѣняетъ принцесса Тамара. Храб-
рые рыцари защищаютъ страну отъ неприятели, убива-
ютъ за дамами и тишуръ и въ мадригалы. Но глав-
ное много дѣйствій не здѣсь.

Въ роу же странъ шиверъ общесерво пастуховъ, они
образованы, изданы въ обращеніи не меньше, чѣмъ
рыцари; но они ненавидѣть войну; мало задумаетъ
о сраданъ своихъ, они цѣлѣнъ дѣлѣ ведутъ деликатные
разговоры о значеніи разныхъ зерлиновъ любовной
науки. Въ изображеніи жизни зрѣнъ небывалыя
пастуховъ выражаются грубо, но ясно озерченныя
идеалы эпохи; самая дорогая въ головкѣ черта,
по мнѣнію лучшихъ людей того времени, мисра сердца,
наивное, соединенная съ необыкновенной дели-
катностью. Въ носительнѣ являюща герой романа,
лучшій изъ пастуховъ — Селадонъ, и въ козорого скоро
сзало паризаделенныи и не забыто до нашихъ дней.

Селадонъ выводится въ пастушеску мисра. Мисра,

получить ложное известие о его невольности, лишает его
своего мучителя. В оградах Селадонъ ищетъ защиты,
но природа не хочет его видеть: вода выдвигаетъ его
въ безднуверженномъ соседствѣ къ замку Талазан. Тала,
зая спасаетъ его и вводитъ его въ него до безумія, но
Селадонъ боится отъ его любви въ неволю, сжигаетъ храмъ
храмъ богини. Ахуретъ и въ немъ счастливъ поруганъ своей
возлюбленной, написанный на пальцахъ. Между темъ,
Ахуретъ рассказываетъ въ своей сказке: она покидаетъ
родныхъ и отправляется странствовать. Случайно пона-
даетъ она въ ту же пещеру, видитъ храмъ, Ахуретъ,
узнаетъ свой поруганъ, вспоминаетъ Селадона, которого
слышитъ погибшимъ, и разливается въ слезы и плачъ,
блать. Селадонъ видитъ все это, по совету одного друида
переводится добычкой, возвращается въ друиду отъ своей
возлюбленной; въ добродетель при законе скромности
любовники не подвергаются ни малѣйшей опасности.

Между темъ замокъ Талазан осаждаютъ злой рыцарь
Полемасъ¹⁾; его воины захватываютъ въ пленъ Селадона
и Ахуретю и выставляютъ ихъ въ первыя ряды, чтобы
случить осажденности. Селадонъ выкашиваетъ чудеса храб-
рости; Полемасъ погибъ въ битвѣ; Талазан освобождена.
Только тогда Селадонъ открываетъ Ахуретъ; за въ не-
годобанн на обманъ и въ осажденности на то, что отъ
видеть ее похороненной, посылаетъ его на смерть къ

1) отъ греч. Πολέμος - война.

ископнику искушенной любви; козоровъ сдержанъ свиртвое
 лбы, раздражающіе когзвми встать, коо придимнаега.
 Селадонъ, конечно, покоряея суровому приказу возмод-
 менной, но лбы не угрожаеъ его и, ласкаея, машури
 хвоезали. Между зъми, Азрелъ уснула одумарсея, и сама
 ситышири къ лбвалы, гмоди погидиури въ иль когзвми,
 но зъири оказываея и къ ней не менше вѣдомливши,
 любовники вынеди доходяди до ископника любви и зъири
 убѣждаея во взаимной вѣрности. Среди гроа и мол-
 нии явлаетея Купидонъ и приказываея любовникамъ
 сердцами соединител.

Полеромъзія Азрелъ, за квинтэссенція уроисен,
 кой галамужи, характернѣйшее произведение дво-
 рянской поэзи, царезвоала во французской, а череде
 нее во всей европейской лифразурѣ; но болые слабое
 ея вліяніе пубезвоалое до самаго конца XVIII ст.
 Въ насрощее время одолгоъ все 12 книгъ Азрелъ,
 не снорра на легкій, сравнительно, языкъ - большоу зрудѣ,
 но современники д'Арре и блисмайшіе пофолники бы-
 ли убѣжденны, что лучшаго романа создаеъ невозмоо,
 но. Вше до выхода въ свѣтъ послѣдней часри, въ 1624 г.
 д'Арре получилъ изъ Берманіи писемо за подписью
 50 князей, графовъ, бароновъ и иль сурругъ и досерей.
 Протра первая 2 часри, все подписавшіеся подѣ зъири
 тесномъ рѣшили основаеъ, Академію искутно лю,

бдительно; каждый, по обычаю времени, бдиль себя псев.
 дошли на этот раз исключительно из "Ахрей"; зом,
 ко никто из них не дерзнул прикоснуться к Вела,
 дона; эту честь вынуждены званием почтенного члена
 предохранили от авторы знаменитого романа. —

Въ конце средних вековъ и въ эпоху Возрожденія, Драма
 ній французская национальная драма достигла уже
 высокой степени развития. До самого конца XVI в. раз,
 иривавшая фарсы, сатиры и морализы въ театраль драматиче
 и школу иногда съ очень блестящей обработкой. Въ
 зомъ же XVI в. замочавшая поборка создает классическую
 драму во Франци; затемъ должно указать на шало-ис,
 патское влияние и въ этомъ родъ поэзи.

Въ самой разгаръ религиозныхъ войнъ задумала
 озрившая въ Парижъ одна изъ лучшихъ итальянскихъ
 Фрунтъ, такъ называемые Comici Felosi, разогривавшие
 комедии съ похвальною ^{знаменити} (Арлекина, Пьеро, Панталоне
 и пр.), съ заранее данными сценаріюномъ, но безъ го,
 зобого режера (comedia dell'arte). Ихъ порядочной багачи
 привлечь любопытство гуренозавы, которые захватили
 ихъ въ свои руки; правдивество насилью выкупило
 актеровъ. Не смотря на то, что публика не знала по-
 итальянски, представления нъ почти всегда были пол,
 ны. Въ 1600 г. фелосі явились снова въ Парижъ и
 оставались здѣсь до 1604 г.; они возбуждали соревнованіе

въ французскія, и послѣ нѣхъ оубо въ Паризѣ оказа-
 лись двѣ французскія группы, подразвившии изъ себя,
 часть въ созиданьи и въ приемихъ зворосеуба и испол-
 нскія (при Людовикѣ XIII одна изъ нѣхъ уже получила
 субсидію отъ правительсуба). Приближенно около того
 же времени явилась въ Паризѣ и испанская группа.
 Сама по себѣ она ценноста не имѣла, но богатыи испан-
 скій репертуаръ проникалъ во Францію косвенно
 черезъ гдѣхъ же итальянцевъ, а послѣ черезъ непосред-
 ственные переводы. Изъ Париза французскій театръ
 распространился по провинціямъ, и скоро не было
 большого города безъ одной или нѣсколькихъ француз-
 скихъ группъ.

Театръ

Театры въ то время имѣли помыщеніе необходимое
 и не раздѣливали на большое количество публики. Труппы
 на сорода нрѣ 7-8 человекъ; на саванѣ большинствѣ
 парижскихъ сценахъ число актеровъ рѣдко превы-
 шало 2 десятка. Когда нужно было представити
 войско, воздвигали кулису съ нарисованными
 на ней солдатами. Были всего одинъ рядъ мостъ,
 почти не освѣщенный, такъ что многіе прино-
 сили съ собою изъ дому восковій свѣтъ. Сцена
 освѣщалаь нѣсколькими канделябрами, изъ ко-
 торыхъ 2 стояли у будки сурлера, чтобы зрители
 могли видѣть актера съ ногъ до головы. Декорации

изобразилась коврами, и переломана ильа промско.
 дила фольско на заднемь плантѣ. Оркесурь похвѣчал,
 ся въ одной изъ ложь и созодалъ изъ 2 скрипки,
 иногда флейзы и барабана.

Несмотря на эту бѣдственную обстановку, фран-
 цузскій театръ того времени шилъ полное энтузиазъ,
 такъ какъ были тѣсно связаны съ литературой, и зрѣ-
 бовали посполно новыя сюжетовы; при каждой
 группѣ непременно созодалъ драматургъ, сочиняв-
 шій пьесы для своей группы или приспособившій
 къ ней пьесы старыхъ; за новую пьесу отъ получалъ
^{два} 2-3 экю и въкозорую часть сбора (осудальной сбора,
 за въперзѣтѣ раследовѣ, дѣлится между актерами,
 сообразственно договору).

Однимъ изъ первыхъ извѣстныхъ драматурговъ ко-
 вой фрэнции были уже упомянутый Александръ Тарди 1560-1631.
 (Александръ Нанду), знаменитый своей молодовижею.
 Отъ родился въ Паризѣ 1560 г., повидимому въ бѣднѣеи,
 не получилъ правительскаго образованія, но былъ человекомъ
 очень начитаннымъ. Въ концѣ XVI в. отъ были драма-
 тургомъ одной изъ провинциальныхъ группъ; въ 1600 г.
 отъ прѣехалъ въ Паризъ и прикомандировался
 къ театру Марс (Mars), для котораго и работалъ въ
 осудальные годы жизни. Отъ мотъ писатъ необходимо
 скоро: въ 2-3 дня отъ оканчивалъ 5-ти актную трагедию

1) Отъ умеръ въ 1631 г.

въ сущихъ; въ крайнемъ случаѣ мойъ намеренъ всею въ одну
ночь, отсюда, разутьею, сурдало ея дозволить." 1)

Въ началѣ своей парижской дѣятельности она рѣзко
решалась съ правилами Аристократической публички,
не соблюдать ни единства времени, ни мѣста и, подоб-
но авторамъ средневековыхъ мистерій и испанцамъ,
дѣлать свои пьесы на дни. Такимъ же манеромъ въ зрѣли
раннихъ пьесъ отъ часа казасуррофны переносили
за кулисы и изъбирались производить на сценѣ естественна.

Его любимые виды: трагедія и трагикомедія (по
мантынскому драма); сюжетны отъ замесурера откуда
попало: отъ Тресоу, Рикляма, Испанцевъ, Франца,
цево, даже отъ Немецевъ; она придаетъ драматическую
форму анекдотамъ, новелламъ, классическимъ мифамъ
и, разутьею, ни какому не забывая о соблюдении
колорита времени или мѣста. По манеру похво-
вався пушиль доброй, но наклонности къ анахро-
низмамъ и отчасти по силѣ воспроизведения нѣко-
горыхъ человѣческихъ ерассей, Александръ Гарди
напоминаетъ Меломира. Несчастие Французскія зрѣли,
что ея национальный театръ былъ рано подавленъ
театромъ придворнымъ, который при еяномъ зарож-
деніи своемъ поспрадалъ отъ Ледри съ одной стороны,
и отъ псевдоклассиковъ съ другой. Гарди самъ заяв-
ляетъ въ 1623 г. публично, что она сочинила около 500

1) Скорее и надрезинное писанія, но крайней мѣрѣ отчасти,
обусловливается необходимостью: говорить, что за утѣлу пьесу
она получила покорару 3 залера.

твее; какъ какъ она продолжала продуцироваться
и после этого итеть 7 или 9, до надо накинута еще
около сотни. Для пеларги (1624-28) она озобралъ 41
твееу разныхъ видовъ. Всего на всего она написала
около 800 твее и по крайней мере въ этомъ оуко,
теемъ соперничала съ Лоне деВелого, изъ котораго много
замечувано.

Моя и Тарди, угрозда въсеу публики, охотно бе,
режая за пазорали, другіе досужли болшеей славы въ
этомъ модномъ родѣ зворечева.

Въ 1618 г. извѣстный лирикъ того времени, маркизо
Раканъ (*Marquis Racan, 1589-1670*), выступилъ съ твеею: 1589-1670.

*Le Bergerie ou Athenise*¹⁾, въ которой попытка ввести
въ дѣйствіе хору греческой трагедіи. Вотъ ея содержание:

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Париза, ко-
рѣи предсавляется удивительными городомъ: въ немъ
за всякое преступленіе прозвѣ мовви наказывають
сверху. Два пасуха Алцидоръ и Моцидаес мовву
пасухику Арзенизу; первый изъ нихъ пользуется ея
взаимностью, но Диана явила въ снѣ ея матери ири,
казала ей выдать дочь за твеезнаго уроженца; Алци-
доръ же происходитъ изъ другой пасухиеской деревни.
Вотъ первое преддѣствіе саврѣо выдѣленныхъ. Мо-
цидаес интригуеъ прозвѣ Алцидора; онъ обращаетъ
ся за помощью къ колдуну, который, обморочивъ глаза

1) Обсиреди или Арзениза,

Арзенизъ, показывая ей Алкидора въ одеждѣ дру-
гой насушки, Мгалии. Въ отпадши Арзениза рѣ-
шаея идти въ весталки (подразумѣвали, въ монахини);
ее, какъ красивѣйшую дѣвушку въ деревнѣ, озговари,
ваторъ весь, въ домъ телье и отца Мгалии, Дамоклей.
Не помня себя отъ горя и гнѣва, Арзениза въ при-
сутствіи свидѣтелей упрекаетъ его позоромъ дочери. Не,
вѣстная Мгалия предана суду, такъ какъ Арзениза
и Алкидасъ являючися свидѣтелями противъ нее, она
по закону парижскому осуждена на сожженіе. Но,
прасно влюбленный въ нее насушка, Тизимандръ, пред-
лагаетъ себя на мѣсто ея въ шерку правосудія; но
въ самый критическій моментъ приходитъ извѣстіе,
что Арзениза примирилася съ Алкидоромъ, козорый,
подобно Владимиру, напрасно погубилъ жизнь свою
жизни; въ то же время Алкидасъ случайно излѣчилъ
себя, и коварство его открылось. Спасенная Мгалия на,
градилась вторноръ Тизимандра, а Алкидоръ оказалъ,
ея ея бракомъ, сыномъ Дамоклей и, сѣтловарельно, еди,
поземелье Арзенизѣ. — Такавъ ввелъ въ моду на,
сущескую поэзію. Его «Пасторали», основанъ по сущес-
ству и изображенію, олимпическа издѣвательствѣ сущескомъ,
меланхолического трагедію.

Послѣдователье Такава, Жанъ Рено Сегре (Jean
Renard de Segrais, 1624—1701) и гостиница Дезульсери

1) Renard de Segrais роd. 1624 г., отъ 1642 до 1672 служилъ камергеромъ
при герцогахъ Монпансе, ум. 1701 г.

4) Подъ влияніемъ новоклассической критики, жестоко преследовавшейся орудіе древней идилліи — пасоралъ, пастушья или буколическая поэзія, къ которой заимствованъ и канторическое общество Веръ, сама губернаторъ непреодолимое сужденіе по закону исконной произвольности, преобразуется въ думу близкую къ своему первоисточнику. У Сегре въ его эпической поэзіи Алду и его Якло, какъ слышится она совершенствованіемъ, въ орнаментіи фразы, продолженіемъ буколической ореды Райбуна.

Рикария въ Орнаментіи, кождъ переводъ, Индвѣ, сдѣланный Сегре, незначителен очень недуренъ, а некого, ронд идилліи Андугамеэры Дезульберъ не лишены прелесть и естественности. На русской Язонъ ее переложили Мерзляковъ и В. Панаевъ. Приводимъ одну изъ ея мушкетъ идилліи въ переводѣ Мерзлякова.

Трицы.

Весна нисходитъ къ намъ, и зимній мракъ истреждъ
 Свободнотворъ небеса, цвѣтущу луна и горы,
 Шумитъ зелённій лѣсъ;
 Раззорглись на рѣкахъ хрустальные завворы;
 Зима не можетъ удержаться
 Во влажныхъ крапинкахъ горькоцвѣтныи надѣть!
 Пасухи, пасухи на блистатій холмѣ выходѣхъ,
 Мераторъ, пригаторъ, подъ шумомъ голосовъ;
 Мил, уединяет, попарно въ рощѣ бродяхъ.
 Сзда оставили свой зимній, землей кровъ;
 Нескѣзныи прилскъ вереміицы,
 Разгнѣдъ забвѣ и здохъ, въ глѣбѣ новой иль царинце,
 Свѣривахъ разбудитъ гурь, спящій по лѣсамъ.
 Какой всемогущій богъ прогналъ морозы, бури,
 Облесте небесный сводъ въ блещаніе лазурри,
 М оудаль прелестьи музаль?
 Малюжка — богъ зворитъ жакіа превращенъ!

въ Андугамеэры Дезульберъ, а у Андугамеэры Дезульберъ, въ мушкетъ ея идилліи ("Общій", "Трицы", "Зима" и др.) привели, какъ и пастушья поэзія, къ недороботу, но при выкалеченности сангити, менгалуизму слѣдую, того ермолуид. Андугамеэра Дезульберъ род. 1637г. получила орнаментъ отъ разованіе, вскорѣ послѣ заимствованія испанскаго рѣдъ роханитическаго, но не заимствованія ея и имени триклической. Когда она поселилась въ Парижѣ, ея заматоръ и красота образили на нее всеобщее, се называли десейтой Низой, каллионной фразіи. Она умерла въ 1694г.

1) Идилліи Гити Дезульберъ, перевелъ сдѣлала М. Мерзляковъ, съ поурядкомъ ея. М., 1807г.

Весёлая весна
 Емю красой оглашена,
 Емю за радость все обязаны твориться!
 Все смертью смерти без него;
 Амурь — душа всего!

Отъ ужасы зимы снесокой подъяндаежь;
 Отъ сердце хладное живишь и согриваежь.
 Холодноежь мерзвая въ сердцаежь
 Безъ доме, то зима въ наидежь!

Увы! напрасно ками природа повзрорежь
 Въ весною каидого прилужный внове уроки:
 Отъ колывели насъ безърогаежь
 Или предразсудокъ, или пороки.

Скажишь, кто иль не зналь! мильиённое мектажи,
 Мы думиея — чему? природа даъь врагами,
 Стыжес ея евраой, блаженной просоуже,
 Мы любили болше, въ поезидной етгоножь,
 Боуь мерзвой прилозеи, любили изобротажиниовиъ,
 Творили себѣ свой ^{милыи} рабы рабовъ презрѣиовиъ.
 Где первый нашъ законъ? где первый образъ нашъ?
 О притки милыя, завидеиъ средиъ ваиъ!
 Вы вьдумали любили, и любили евобожно!
 Маскучино ваиъ зднес: лезиже, въ доброй часъ!
 Природа ваиъ маъь: живѣе, какъ угодно!
 Маъь додродножелей, пороковъ маъь для васъ.

Всё воять доволны вы одеждою одною,
 Не слышано во лесах, чтоб филины заблещали

Павлина красотою,

Чтоб воровы соловьи напояны повзорили.

Ах, искренное не наше дождованье!

Примите суровое, права, образованье,

Все грядущее охъ насъ печальнѣйшимъ услужитъ.

Что лежи низкой хуле?

Но яги — и будетъ правъ; но лежи — и будетъ друтъ.

Природа съ нами будо вѣчна!

Мли... признаемъ, краснѣя охъ сурда,

Суднцая праведно за нами ей измѣны,

Мамъ нищи не даеъ деъ горя и гурда.

Все, все прозвучу насъ: суринъ перемѣна,

Огонь, земля, вода! Сврашяея непогодъ,

Одеиду пригозовъ, поетки, ебери плодъ нивы,

И посылъ зренищи за зворъ самый плодъ.

Ахъ, пугилки, вы еласуливы!

Для васъ готово все: ни етъдъ, ни краинѣ,

Сезалостъ мнѣ ледакъ, тыдъ птени и млобиль!

Одни силки для васъ покоя возмущенѣе.

Ахъ! свраменъ зайныйъ бравъ!

Но балъ безмечностъ — друтъ, а мамъ говарницъ — свраха!

Для васъ — мученій мнѣ; все мамъ мизкс — мученѣе!

Мезице поскортой, малюжи, поскортой!

Срашайсея лова! или срашайсея болк
Вн логковърысеуи своей.

Ахъ, горько, горько пишу въ неволѣ! ⁹ X

1604-1686.

1621
1604
17

Въ 1621 г. выступилъ очень удачно въ пасторалство
„Сильвия“ („Sylvanie“) 17-мъзаймъ поэтъ Маша Мерз (Jean
Mainet. Род. въ 1604, его псея замочахилъна фомъ, что
авторъ сзремилъея придаеъ пасторали есресеуветисеуеъ, реа,
милъ: героиня ея, пастушка говориуъ проеуонародъ,
милъ партогилъ; пришеъ ея возлюбленнй - дзикакъ
придворивилъ. Кроитъ зого, псея озмилалас французск.,
мозрса своего еодержаня. Черезъ 4 года въ предисловіи
къ псеи, Сильваниръ, или живая покойница („Sylvia,
vive ou la morte vivante“) онъ завлкелъ, что италъян.
мъ, обогнавше французовъ во велелъ родатъ некусезва,
навели его на мысль образиуеъ къ древилъи и къ
Ариозелю, въ мизикъ которого онъ намелъ законъ
З едисеуви, и згоъ законъ онъ намелъ рего сурога со,
блудатъ, чтобъ еблизиль драматическое иредезавленіе
съ дмилъвизельной мизнью. Онъ созмелъ, что зго буделъ
не легко; но лучше, полагаелъ онъ, написатъ одну хоро,
мью псеу, немелъ 20 плохилъи.

Въ 1629 г. Мерз еавилъ на сцену своего трагедіо
„Софонисда“, котораъ милья огромнй центилъ, шем,
ду проилъ, благодаря фому, что авторъ сзрого забилъ.
даселъ ^{законъ} З едисеуви и сюмелъ берелъ изъ классической пезоріи,

1) Какъ уже сказано, поэтъ зра не милья просоды и есресеувет.,
мозри.

герою что сблизилась драму придворного ее ученой.

Штурм Ливий² рассказывает, что Массинисса, царь нумидийский, взял в плен своего соперника, врага Римлян, Сиракса; после этого он вошел в сношение с Сиракса, Цирзу, дочь и захватил его жену, дочь Тасдрубала, Софронисбу. Чтобы спасти ее от Римлян, он женился на ней и пылко оумозрдно, взял свою свадьбу; но цыли не досишь. Римляне же, зрѣбовали от него дочь своего неконного врага, и Софронисба, чтобы не досаждать женой в чужие руки, закололась. По другому свидѣтельству, Софронисба еще прежде была невестой Массиниссы и за Сиракса вышла изъ политическнхъ разсчетовъ.

Мерз предсказываетъ Софронисбу любящей престыгло своего жениха Массиниссу; чтобы избавить героиню отъ двоюмужства, онъ убиваетъ Сиракса прежде ея брака съ Массиниссой. Онъ одлагородилъ Массиниссу, заека, билъ его заколотся на зрѣиъ своей возлюбленной. Все эти исправленія выветить съ хоромъ, зедимсвабли и залюгаженнои чнсерою здыка сдѣлали псеу Мерз несколько популярной, что, когда въ 1663 г. Корнель обрабозалъ жозъ те сюжета, онъ смело нумисалъ извѣннрся передъ публикой за своего герзоетъ.

Мерз, написавшнй 12 трагеднй, цннеръ въ своемъ родномъ городѣ, Бедансонѣ, въ 1686 г. Лучшая изъ его псеи —

Софоклеса. Этого пьесы без церемонии воспоминано, Валса и Волгерь, сказали в предисловии, что они взяли на себя труд обдумать ее заново (de remettre à neuf). Корнель, как уже сказано, занею нами, сам Софоклеса (очень плохую пьесу), и до него еще четыре абзора писали четыре трагедии на зор-ше его, тесно.

На французской сцене в это время подражали испанским пьесам родом с италомскими фарсами; комедии (comédies) испанцев французам переименовали трагикомедией, но крививировали уже son amote - преимущественно несовершенную трагедию. Позже, как оны: Мать де-Шер, Никола де-Монзур (Nicolas de Montreuil), Мать Розу, Александр Гарди, замесовали свои ^{идеи} ~~свои~~ и часть шь обработку, ки существенно оры испанцев. Писали комедии: Буароберт (Boisrobert), Сенж Марр (Sainte Marthe), д'Увилль (d'Uville) и другие, были болшего частью обработали испанцев. Свое сосредоточие нашла вей эта драматическая поэзия в зритель французской комедии („troupe de la comédie française“).

Буароберт (Boisrobert, 1592-1662) написал комедии „La belle plaideuse“ („Прекрасная пизца“). Но Мать Розу (Jean Rotrou, 1609-1650), который ич встал пред. месзвечников Корнель д'аровизме встал, до повлечения

1) его любимого соперника — „cher rival“ —

Корнелевского 'Сига' написал двадцать очень слабых

драгедий, но усталый соперника возбудил его духом.

мозга, и последний при драгедии его, Сен-Мене, ^(Venceslas, 1647) Вен.

цеславь" и "Хозрой" нигурь не хуже многих драгедий.

Корнеля. Для Корнеля Борзу были "che rival" и Хозя Борзу были 3 года, молодое

Позредносу в чинии легкомы и забавкамь с боис, ^{Корнеля, после} ^{ни называлъ его} ^{почтеннымъ} ^{ликамь, Рече} ^{Ротомъ, Его} ^{вйдие на Кор,} ^{наль дило благо.} ^{зворное.} ^{1660-1660.}
 ливы заландомь, тьмь друге, удовлетворилъ знаменитый
 еполско же своими произведенийми, сколько и своей ерран,
 ной судьбою, а еще больше зого судьбою своей жене - Полс

Скарротъ (Paul Scarron). Онъ родился въ 1610 или 1611,

въ тою пору слишкомъ сильно предавался веселостямъ

жизни и рано оказался не только нищимъ, но и калымъ,

кою, прикованнымъ на всегда къ креслу. ^{Скарротъ} Возродилъ

и заландомь, генеръ иттенко развившимся, отъ приобрѣлъ

много знаменитыхъ покровителей и поклонниковъ, кою.

рыс съ удовольствіемъ поднимались на его позорскій

гердакъ, чтобы насладиться его непероцимого весе.

лостью. Въ 1642-мъ году онъ женился на обидлившей,

но юной и прекрасной внучкѣ маршала д'Обинсе,

которая своими умомъ и ровномы, прихвотилъ Каракъ,

жеромъ еще больше украсила иль скромное шиллице.

Пронузый ея красотою и политыишей безпоощностию

Скарротъ предсказалъ ей на выборъ или покупить

въ монастырь, для чего отъ давалъ ей средству, или выйдти

1) подобнымъ образомъ, какъ итмацкій поэтъ Теириадъ Теине.

за него залюбовался. Она известна в истории моды ике, мели М-те Мензеноны, последней бессильной вла, сцидальницы - фаворитки и займой жены великого Людовика. Понс Скарронъ умеръ въ 1660-мъ году.

Поздравивъ состояние въ разгульной жизни, Скарронъ началъ работать для театра и, за свои комедии: „Модель“, „Домъ-Зафера Армянскій“ получилъ паче оныхъ отъ Анны Австрийской, но лишился его, написавъ са, диру на магарини ^{„La maraînaide“} свои комедии, какъ уже упомя, нузья, такъ и „Господины и слуга“, „Храпитель самого себѣ“ написавъ оны по испанскимъ образцамъ. Три, кованней парализовалъ къ своему креслу, оны собиравъ вокругъ него дворъ и изворъ Париза, восхищавшійся его остроуми и фарсами.

Кромѣ многихъ комедій, для которыхъ сюжетъ бралъ (Скарронъ) съ испанскаго театра, оны и ^(Скарронъ) авторы нѣсколькихъ музювекскихъ зпоей „Тисоронъ“¹⁾ и др. (самая известная изъ нихъ, пародія на „Днегду“ - „Виргилій на изнанку“ - Virgile travesti - вышла въ 1648 году). Оны написавъ и „Комическій романъ“ (Roman Comique, вышелъ въ 1651г.), заключающій въ себѣ ма, сферски разсказанныя похождения сзрансзвующихъ актеровъ и авантюристовъ. Въ этомъ романѣ Скарронъ зюне воспользовался идеей испанца Абуезимаде Ро, каель.²⁾ Это произведение называется El Viage entretenido

1) „Typhon ou la Gigantomachie“, „La maraînaide“ - написаны профетъ кардинала-писателя магарини

2) Agostino Rojas de Villandrando (1577 - 1630)

Оно провозгласило Скарроновского Roman comique (Занимательное путешествие). Содержание романа сводит, много приключений небольшой группы провинциаль, ных актеров, большого гаского священника и грубоком, пещий; ее нити искусно переплетена история сельской сцены молодого человека хорошей фамилии к одной актрисе, и куда же внесено довольно много эпизодиче, ских повзвеш в роду Трагикомических Новелл (Nouvelles Tragi-Comiques) того же Скаррона.¹⁾

Скаррон, первый муж маркизы Мензенов, по, следней и веселой фаворитки Людовика XIV, играл до, вольно видную роль. Он — последний и во извращенном смысле самой выдающийся французский актер, предом, ставший подражание мзало-испанским образцам, во, преки классической резориты, и присвоивший себе вро, чельское изображение. Во всех своих произведе, ниях тивой подвижности и необузданного юмора, написал — сочинил онь подмы всякого рода, между которыми зть комического и сатирического содержания — наилучший. Его сочинения блещут необузданными юмором и фривольными описаниями ^{иногда} остротами комических ситуаций. (X)

Отель Рамбулье (Hôtel Rambouillet).

Во первую половину XVII века центром мфера, журнаго движения был, Hôtel Rambouillet, первый французский салон, итывший большое влияние на язык,

¹⁾ Скаррону, повидимому, подражала Тэре в своем романе „Wilhelm Meister“.

везде на нее приязного внимания. Она объявила
 всем знакомым, что намерена серьезно заняться
 воспитанием дочери, и отказывается по форме от
 лений двора; не посещая дворца, она не могла естествен-
 но посещать и знакомых; муж ее в это время был
 посланником в Италю; она была слишком молода
 и жива, чтобы серьезно посвящать себя дочерской
 комнате и кухне, и шила в обществе родных и елу-
 гайных визитеров; кроме того она не смела вос-
 питать детей вдаль от общества; что ей оставалось
 делать? как итальянка с развитым интеллекту-
 альным вкусом, она относилась с уважением к по-
 этам и писателям; как аристократка, она не сме-
 лала выходить из своего круга, — и вот она находила
 собор в своей роскошной, со вкусом убранной
 государственной предшественницей аристократии
 чина и рода. Благодаря ее заступничеству, посылка
 была легко найдена в обществе красивых, из-
 думных метицинов и высокопоставленных лиц,
 а последние окошко горобы были посвящены хор
 каст своего дядюшки удовольствия чина.

По средам около 12 ч. дня в отеле Рамбуле,
 одном из красивейших зданий Парижа, проис-
 ходит большой прием, на который могли являться
 все, даже мало знакомые люди, а по вечерам еще

дневно собирался кружок интимных друзей въ
 узкой голубой гостиной. Въ проживающаго
 другим подобнымъ гостинамъ здѣсь царствовала
 самая непринужденная, свободная и въ тоже время
 моральный тонъ. Здѣсь не для кого было любить же-
 мины и любовниковъ: дочь хозяйки была еще дѣ-
 вочкой, хозяйка была замужемъ, и вѣдь было из-
 вѣстно, что она искренно любитъ своего сына. Глав-
 ное занятіе кружка была болтовня, не односторонно,
 но касаясь и политическаго предмета и науки.
 оубо, чтеніе новыхъ произведеній издѣльной словесно-
 сти и споры по поводу прочитаннаго, представленіе
 сценъ и небольшихъ пьесъ, всевозможныя petits jeux,
 въ хорошую погоду прогулки за городъ и проч. Это
 была масовая академія, въ продолженіе полугодья.
 Живъ предписывала законы дружбы и гостеприимства.
 Но господствующій тонъ былъ одинаково далекъ, какъ
 отъ чопорности, такъ и отъ педантизма позднѣйшихъ
 оземниковъ, неумѣло подражавшихъ голубой гостиной.

Скоро оземъ Гамбуле приобрѣлъ такую извѣстность,
 что всемогущій Римскій задумалъ воспользоваться
 имъ для своихъ цѣлей: онъ просилъ маркизу по воз-
 можности передать ему великій политическій раз-
 говоръ, который будешь происходить въ ея салонѣ, такъ
 какъ ему одинаково интересно слышать и похвалять

и порицания его тороприятство. Маркиза ловко оупари,
 робала его гнуемое предложение, сказала: „Всего знаюшь
 мое уважение къ вашему свѣдѣтельству, и никто при
 мить не будетъ дурно говорить о васъ.“ Римскѣ не
 пѣдилъ въ салонъ, но осѣбался въ хорошиль оуноше,
 пѣдилъ съ маркизой. Лучшее время оуездъ 1620-1645гг.;
 до 1620 г. маркиза Гандулье была еще очень молода, га,
 сго бивала беременна, и салонъ ея только складывался;
 въ 1645 г. вышла замужомъ сгаршая дочь маркиза, дуря
 якъ сердца - Юлиа; векоръ после этого была удивръ сгар,
 ший сатью маркизы, и она сама сгала бисеро драхльеръ.
 Она умерла 1665 г., 77 лѣтъ оуъ роду. Оуимиль изъ карак,
 фертыйшиль палатникомъ салона были альбомъ, под,
 несенной въ 1641 г. Юлиа ея женихомъ маркизойю
 Монрозе, извѣснотъ подъ именемъ Quirlande de Julie;
 это прекрасно исполненные рисунки 29 увѣзковъ и
 при нихъ въ надригаль, написанные лучшими поэ,
 фалии оуездъ и друзьями дома и заключающіе въ себѣ
 поздравленія новорожденной оуъ лица нарисованнаго
 увѣзковъ. Монрозе гуръ не 14 лѣтъ былъ женихомъ
 Юлиа; оузраки увѣзками, будро оуъ долгиемъ были въ про,
 должеиіи этого времени изучилъ на оуездъ всего любов,
 ную географію, пошилъ въ ивъсѣркаль Jolis vers, d'écrittes
 galantes, пошилъ въ городаль Complaisance, Petits
 soins, Assiduité и долго пробылъ въ городъ Тендре,

(Tendre-est. ditime)

сходиться на ^(Estime) факты, ^(Estime) утверждение; лишь тогда они могли до-
стигнуть столицы царства, которое тогда носило название
Tendre, но сходило на факты ^{Inclination - Tendre-est. Inclination?} Склонности. Но вся эта
географическая карта - позднейшего изобретения; Мон-
тэзе так долго указывали, во-первых, поэтому, что
не повторяли силы его привязанности (он был полон
Юлии), во-вторых, они часто бывали в охоту, в-треть-
их, наконец, они были гуреноры и только в 1642
приняли католичество. Вообще все обвиняют, которая
возводила на озеро Тамбуле, должна относиться не к
нему, а к подражавшим ему позднейшим озер-
кам; лучшим доказательством этому может служить
предисловие Монсера к его пьесе: „Précieuses Ridic-
ules“, постановленной в 1659 г. Монсерь говорит
в нем: „самая лучшая вещь которую был скопиро-
ваны обезьянами какими образом, что возбуждают
общее негодование... несимкая „Précieuses“ напрасно
если бы относилась моей комедией; я осмеливаю думать,
кто или нецелесообразно подражает“. Рассказываю, что
маркиза Тамбуле присуждала на представлении
комедии к много и добродушно смеялась.

Въ салонах маркизы выражались въ крайню-
ю рожь, рожали припадке новых словъ и оборотовъ,
сочиняли мадригалы, буриме¹⁾, экспромпты, воз-
буждалась вопросы философскіе и низеразурные.

¹⁾ Précieuse - гиперболическое выражение впрочем та же.

²⁾ bouc = timé (bouc, конек, и timé, ридноварс).